

Л. В. Столярова, П. В. Белоусов

«Измена Нагих» 15 мая 1591 г.: человек в толпе

15 мая 1591 г. в Угличе погиб восьмилетний царевич Дмитрий — младший сын Ивана Грозного и брат слабоумного царя Федора Ивановича. Тотчас же родилась версия об убийстве царевича и были названы злоумышленники, зверски растерзанные толпой¹. 19 мая из Москвы для расследования обстоятельств гибели Дмитрия Угличского, а также последовавших затем убийств была прислана специальная комиссия, которую возглавил боярин князь Василий Иванович Шуйский. Кроме обстоятельств гибели царевича, комиссия Шуйского занялась расследованием убийств государева дьяка Михаила Битяговского и других «душегубцев царевичу», в том числе Осипа Волохова, Данилы Третьякова, Микиты Качалова и Данилы Битяговского. Были подробно изучены случаи «побития» угличанами посадских и разорения «Дьячей избы». В результате работы комиссии появилось Следственное дело², которое 2 июня было доложено царю Федору и Освященному собору. В нем утверждалось, что царевич Дмитрий сам закололся ножом во время игры с ребятами-«жильцами» «в тычку», в припадке «черной

¹ Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 153–182.

² РГАДА. Ф. 148: «Угличская Следственная комиссия во главе с князем В. И. Шуйским». Оп. 1. Д. 1. Издания текста Следственного дела см.: Следственное дело об убийении царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению государя царя Федора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольничим Андреем Петровичем Клешниним и дьяком Елизарием Вылузгиним. Писано 1591 года, в мае... // СГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103–123; Суворин А. С. О Дмитрие Самозванце: Критические очерки, с приложением нового списка следственного дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906; Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. 15 мая 1591 г. / Изд. подгот. В. [К]. Клейн, М., 1913; Таймасова Л. Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006. С. 417–459 (репринт издания 1906 г.).

болезни падучей» (эпилепсии). Виновными в этом были объявлены Нагие, родственники матери царевича — Марии Федоровны Нагой, не доглядевшие за мальчиком, а затем учинившие расправу над дьяком Михаилом Битяговским и мнимыми убийцами царевича. Иными словами, комиссия пришла к выводу о том, что смерть Дмитрия не была насильственной и произошла в результате несчастного случая, а мятеж в Угличе спровоцировали Нагие. По распоряжению правительства Федора Ивановича, Нагих разослали по тюрьмам. Мать царевича — Марию Нагую — насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане — участники волнения — подверглись ссылке в Сибирь³.

В начале XVII в. царевич Дмитрий как бы «воскрес» для истории. Самозванцы Лжедмитрий I в 1605–1606 гг. и Лжедмитрий II в 1607–1610 гг. выдавали себя за чудом спасенного сына Ивана IV. В ответ на это правительство царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.) канонизировало «невинно убиенного отрока» и тем самым перечеркнуло выводы Следственной комиссии 1591 г. На сей раз утверждалось, что по наущению Бориса Годунова к царевичу были подосланы зарезавшие его убийцы. С тех пор бытует две версии о гибели Дмитрия Угличского. Одна объясняет его смерть убийством, другая — «самозакланием»⁴. Однако как бы ни рассматривать причину смерти царевича, очевидно, что смерть маленького больного мальчика в удельном Угличе оказалась прологом к событиям Смутного времени. Династический кризис и пресечение династии Ивана Калиты на московском престоле, деятельность в России и Европе самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II (первому из них удалось на целый год стать венчанным на царство государем), Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция были тесно связаны с событиями мая 1591 г. в Угличе и развивались по сценарию, так или иначе определенному кончиной царевича Дмитрия и «изменой» Нагих. Настоящая статья посвящена исследованию обстоятельств «измены» и социально-психологических особенностей поведения толпы в XVI в.

1. «Что наша жизнь? Игра...»

В субботу 15 мая 1591 г. «в шестом часу дни»⁵ (по некоторым показаниям, «в семом часу дни»), т. е. между полуднем и началом первого по современному счету и без того неспешная жизнь в Угличе совсем замерла. В это время

³ *Зимин А. А.* В канун... С. 154.

⁴ Предложенную нами гипотезу о гибели царевича вследствие развившегося у него эпилептического статуса см.: *Столярова Л. В., Белоусов П. В.* Смерть царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г.: новая версия // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1. С. 5–24.

⁵ Здесь и далее Угличское следственное дело цит. по подлиннику: РГАДА. Ф. 148: «Угличская Следственная комиссия во главе с князем В. И. Шуйским». Оп. 1. Д. 1.

обедали, и многие оказались на своих «подворьишках». Еще «в пятом часу дни» покинул Дьячью избу и поехал домой обедать государев дьяк Михаил Битяговский. После него «розошлись по своим подворьишком» подьячие Третьячко Десятой, Васюк Михайлов, Терешко Ларивонов и пищики Марк Бабкин и Ивашка Ежов. Закончив службу в церкви Св. Константина и Елены, направился к Михаилу Битяговскому его обеденный гость, поп Богдан. Только что отслужили обедню игумен Алексеевского монастыря Савватий и архимандрит Воскресенского монастыря Феодорит. «Пришотчи от обедни», матерью был отпущен погулять во двор с мамкой, кормилицей, постельницей и четырьмя «робятками жильцами» царевич Дмитрий⁶.

Во дворце полным ходом шли приготовления к обеду. Суетились сытники и другие дворцовые слуги. Повары Сергейка Никитин, Федка Щелин, Андриюша Михайлов, Ивашка Никитин и помясы Сенка Андреев, Митя Худоша, Гриша Дементьев и Гриша Филипов управлялись «в поварне». Хлебники Назар и Гриша Нагибины, Васка Комаров, Ивашка Волк Пищулин, а также помясы Ивашка Поргаев, Михейка Логинов, Юшка Дмитриев и Шестак Коломин «в те поры стряпали в хлебне». Заняли свои места сенные сторожа. В передних сенях встали истопники Юшка Григорьев, Баженко Григорьев, Михаил Воробьев, Офонка Овсянников и Костя Ватутин. По своим местам разошлись сытные сторожа Тренка Игнатьев, Иванко Окулов, Ивашко Оникеев, укусник Ульянов Якимов, свечник Гриша Иванов, скатертник Савка Иванов и сторожа Панка Савельев и Ивашка Чюча. Замерли у поставца на втором этаже подключники Хлебного дворца Артемий Ларионов и Юрий Иванов, а также подключник Кормового дворца Яков Гнидин. Прошли в столовую палату царица Марья и ее дядя Андрей Александрович. На второй этаж («вверх»), где сели обедать Нагие, понесли кушанья.

Стряпчий Семейка Юдин, стоя за поставцом, смотрел в окно. Он наблюдал как царевич «гѣшился с жилцами с робятки с маленькими в тычку...». Семейка Юдин был одним из немногих, кто видел самый момент трагедии, и при этом не находился в ее эпицентре, как семеро сопровождавших Дмитрия на прогулке людей. Он видел, как мальчика неожиданно «...бросило... ѿ семлю, и било... долго, и ѿн накололся ножем...». По всей видимости, Юдин был так напуган, что во дворце не сказал об этом ни слова. Уже потом, когда задний двор наполнился людьми, он поделился увиденным с дворовыми и пищиком Алешей Афанасьевым. Только в ходе следствия из показаний сытников Михаила Меншикова и Немира Буркова, стряпчего Кормового дворца Субботы Протопопова и пищика Кормового и Хлебного дворца Алеши Афанасьева стало ясно, что трагедия разворачивалась прямо у него на глазах («слышали емя у Григор(ъ)я у Тулубѣва, да у Семейки у Юдина, да у сытника у Кирила у Моховикова...»).

⁶ Скорее всего, царевич с матерью, ее братьями Михаилом и Григорием и дядей Андреем Александровичем стоял «обедню» в домовом храме Нагих — Константино-Еленинской церкви.

После этого Юдин был приведен к очной ставке с ключником Сытного двorca Григорием Тулубеевым и дал показания («а стряпчей Семейка Юдин скасал в роспросе, с Григор(ь)емъ с Тулубѣевым, с очей на ѡчи, что ѡн ему тѣ рѣчи скасывал...», «а ѡн в тѣ поры стоял у поставца, а то видел»).

Едва ли не первым с известием о несчастье во дворец примчался жилец Петруша Колобов. Поскольку он немедленно оказался «вверху», где столкнулся со стоящими у поставца подключниками («стояли... мы вверху са поставцем, ажно <...> бежит жилец Петрушка Колобов»), не исключено, что именно этот мальчишка был отправлен кем-то из сопровождавших царевича женщин с дурной вестью к его матери. Однако Андрей Александрович Нагой показал, что царица Марья бросилась к сыну на задний двор, услышав крики, которые подняли «робятки», нянька, мамка и постельница («и закричали на дворѣ... и збежала ц(а)р(и)ца сверху»). Иными словами, царица могла оказаться на заднем дворе вне зависимости от вестей, которую нес один из «робяток жильцов». Вероятно также и то, что она была возле сына еще до того, как побежал мальчик Колобов.

Версия об убийстве царевича была озвучена непосредственно на месте трагедии. Первой «приговаривать», что «ц(а)р(е)вича Дмитрея зарѣсали» стала Мария Нагая, избивая Волохову поленом. Именно царица выкрикнула имена злоумышленников: «и почала ей, Василисе, приговариват(ь), что будто се с(ы)нъ еѣ, Василисин, Ѡсип с Михаиловым с(ы)ном Битяговского, да Микита Качалов ц(а)р(е)вича Дмитрея зарѣсали». Обращает на себя внимание, что Мария Нагая набросилась именно на царевичеву мамку. Ни постельница Марья Колобова, ни кормилица Арина Тучкова, в равной с Волоховой мере ответственные за судьбу царевича, не подверглись ни избиению, ни обвинениям. Это тем более странно, если учесть, что царица застала умирающего сына на руках у Тучковой, которая сама переживала глубочайшее потрясение от того, что «не уберегла» мальчика. Вкупе с самообвинениями ужас, который испытывала кормилица, могли бы вызвать если не разумную, то вполне понятную реакцию Марии Нагой на случившуюся трагедию. Именно Тучкова, не Волохова, должна была первой попасть под горячую руку царицы. Однако этого мы не видим. Страшного в своей безысходности гнева царицы Марии Нагой удостоилась одна Волохова. При этом ребенок, скорее всего, агонизировал, но еще не умер. Последние минуты жизни сына царица провела не возле него, а круша поленом голову Волоховой. Очевидно, что реакция царицы была болезненной, патологической.

Очевидно и другое: для царицы Марьи гибель сына была событием в высшей степени страшным, но болезненно ожидаемым и многократно обсужденным внутри клана Нагих. Страх пред вероятным покушением на Дмитрия приобрел черты сверхценной идеи⁷. Именно поэтому сразу и безапелляционно

⁷ Как известно, Михаил Федорович и Андрей Александрович Нагие утверждали, что царевич Дмитрий был убит, даже под пыткой (см.: Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного

были поименно названы «злоумышленники», среди которых фигурировало имя Осипа Волохова. Никакие мольбы Василисы Волоховой о «сыске праведном» и заверения, что ее сын Осип даже «на дворе не бывал», обращенные к царице, неспособны были изменить ситуацию. Если версия о том, что наследника «зарезали», родилась немедленно после падения Дмитрия на землю и его горлового ранения, то имена его возможных «убийц» были составлены Нагими заранее. Нагие не сомневались в том, что попытка уничтожить царевича рано или поздно будет предпринята и связывали ее со вполне определенным кругом лиц. Не интересовал царицу Марью и «сыск праведной», о котором ее умоляла Волохова. Царица не строила предположений. Реактивный психоз, которым Мария Нагая была охвачена⁸, не оставлял места сомнениям. В состоянии крайнего возбуждения, будучи в плену своих бредовых идей, воспринимая действительность сквозь призму измененного сознания, царица могла лишь транслировать свои ожившие кошмары, которые обрели плоть и кровь Данилы Битяговского, Осипа Волохова и Микиты Качалова.

Устав от собственных криков и того физического напряжения, которого требовало избиение Волоховой, она передала полено брату, который отходил мамку «по боком». Вероятно, в это же время был отдан приказ ударить в набат. Только потом, когда Волохова была избита до полусмерти, на звук набатного колокола начали сбегаться люди.

Показания Василисы Волоховой весьма достоверны. Допрошена она была по горячим следам, в состоянии сильнейшего эмоционального потрясения, вызванного жестокой расправой толпы над ее сыном Осипом Волоховым, гибелью царевича, погромом в Угличе. Она была серьезно травмирована (царица «голову ей пробила во многих мѣстех»), ее избивал «по боком» Григорий Нагой, после избиения ее бросили «чют(ь) живу, <...> замертва», а затем обезчестили и «посадили в полату за сторожи»⁹. Состояние, которое она должна была неизбежно переживать в мае 1591 г., в психиатрии определяется как посттравматическое стрессовое расстройство. Оно характеризуется навязчивым прокручиванием в памяти психотравмирующих эпизодов, которые не позволяют

времени // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 28. С. 243; Сказание о Григории Отрепьеве // Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 6–9, 151–152, 563–565, 717, 861, 879–883; ПЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 264; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. М., 1951. Кн. 7. С. 231; ПСРЛ. Т. 14. С. 40–42; Там же. Т. 31. С. 144; Там же. Т. 34. С. 196–197; *Попов А.* Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 188; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 34–35; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1974. С. 101–102; Разрядная книга 1559–1605 г. М., 1974. С. 305; см. также: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 74–85.

⁸ О реактивном психозе Марии Нагой см.: *Столярова Л. В., Белоусов П. В.* Джером Горсей о событиях мая – июня 1591 года в Угличе и в Москве // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 461–496.

⁹ Известие о заточении Василисы Волоховой содержится в расспросных речах архимандрита Феодорита.

забыть произошедшее (flashback). В сочетании со сведениями, полученными из расспросных речей других лиц, допрошенных комиссией Василия Шуйского, показания Волоховой позволяют довольно отчетливо реконструировать события, произошедшие вскоре после трагедии и получившие в историографии название «мятеж Нагих».

В целом последовательность событий, происходивших после полудня 15 мая 1591 г. на заднем дворе дворца, в изложении Василисы Волоховой выглядит так:

1. ц(а)р(е)вич в болѣзни в чорной покололся ножом
2. ц(а)р(и)ца Мар(ь)я збежала на двор
3. и почала еѣ, Василису, ц(а)р(и)ца Мар(ь)я бити сама полѣномъ, и голову ей пробилла во многих мѣстех, и почала ей, Василисе, приговариват(ь), что будто се с(ы)нѣ еѣ, Василисин, Осип с Михаиловым с(ы)ном Битяговского, да Микита Качалов ц(а)р(е)вича Дмитрея зарѣсали.
4. И она, Василиса, почала ей бит(и) челом, чтоб велѣла ц(а)р(и)ца дати сыскъ праведной, а с(ы)нѣ еѣ и на дворѣ не бывал.
5. И царица де велѣла еѣ тѣм же полѣном бити по бокомъ Григор(ь)ю Нагово,
6. и тут еѣ тол(ь)ко чют(ь) живу покинули замертва.
7. И почали звонити у Сп(а)са в колокола,
8. и многие люди посадцкие и всякие люди прибежали на двор.
9. И ц(а)р(и)ца де Мар(ь)я велѣла еѣ, Василису, всяти посадцким людем,
10. и мужики де еѣ всяли и еѣ ѡбодрали и простоволосу еѣ держали перед ц(а)р(и)цею.
11. И прибежал де на двор Михаило Битяговской...

Не сразу смог оторваться от «ѣствы» и подняться из-за стола Андрей Александрович Нагой. Тучный и неповоротливый¹⁰, вероятно, уже успевший выпить, он оказался во дворе («прибежал туто ж к ц(а)р(и)це»), когда мальчик был уже мертв («прибежал... а ц(а)р(е)в(и)чѣ лежит у кормилицы на руках мертвъ»). Возможно, Андрей Александрович не сразу придал значение крикам во дворе, полагая, что с царевичем случился очередной припадок и предоставил женщинам самим разбираться с больным ребенком. К частым приступам Дмитрия во дворце уже привыкли. Эпилептические припадки отмечались у царевича «по месяцем беспрестанно». Только весной 1591 г. они произошли по крайней мере четырежды — в великое говенье (т. е. в марте–апреле), перед Великим днем (т. е. ок. 11 апреля), а также 12 и 15 мая¹¹. Андрей Александрович

¹⁰ Предположение о тучности и неповоротливости Андрея Александровича Нагого высказал И. И. Полосин. Судя по тому, как долго Нагой «бежал» за царицей (см. ниже), оно не лишено оснований (см.: Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 234).

¹¹ Великое говенье (Великий пост) в 1591 г. пришелся на 28 февраля — 10 апреля, Пасха (Великий день) — на 11 апреля. Приступ 12 мая зафиксирован в показаниях Василисы Волоховой («...розболѣлся ц(а)р(е)вич Дмитрей в среду н(ы)нешнег(о) 99-г(о) году, мая в 12 день, падучею болѣзнью...»). Последний приступ 15 мая унес его жизнь.

неоднократно наблюдал его припадки, в числе других пытался помочь ему и получал при этом весьма болезненные травмы («а на ц(а)р(е)в(и)че бывала болѣзнь падучая; дан(ы) нѣ в великое говѣн(ь)е у дочери его руки переѣл да и у нег(о), у ѿндрѣя ц(а)р(е)в(и)чь руки едал же в болѣзни, и у жилцов, и у постелниц, как на нег(о) болѣзнь придет и ц(а)р(е)в(и)ча как станут держат(ь), и ѿн в тѣ поры ѣсть в нецывен(ь)е, за што попадетца»). В любом случае, Андрей Нагой «прибежал» уже к финалу трагедии, когда на дворе уже действовали Михаил и Григорий Нагие.

Очень вероятно, что кричать во дворе, когда Мария Нагая вскочила из-за стола и побежала вниз, стали не тогда, когда у царевича начался припадок (к этому уже привыкли), а тогда, когда он «поколослся ножом»¹². Если приступ «черной болезни падучей» в конце XVI в. вряд ли ассоциировался с прямой угрозой жизни, то ножевое ранение горла прямо с ней соотносилось. Царевича «било долго», даже тогда, когда его подхватила на руки Тучкова. Он еще был жив, когда к нему приблизились Михаил и Григорий Нагие и когда царица колотила Волохову поленом. Как долго умирал царевич и сколько он пробыл на руках у Тучковой, неясно. Однако есть основания думать, что смерть его не была мгновенной¹³.

Обращает на себя внимание, что в показаниях непосредственных свидетелей гибели наследника говорится именно о ножевом ранении, а не о смерти. Так, жильцы показали, что «играл... ц(а)р(е)вич в тычку ножиком с ними на заднем дворѣ, и пришла на нег(о) болѣзнь — падучей недуг, и набросился на нож». В показаниях Волоховой «ц(а)р(е)вич в болѣзни в черной поколослся ножом», в показаниях Колобовой — «пришла на нег(о) болѣзнь черной недуг, и его бросило о землю, а у нег(о) был ножикъ в руках, и он тѣмъ ножикомъ самъ поколослся», в показаниях Семейки Юдина — «и пришла на нег(о) немоч(ь) падучая, и бросило ево ѿ землю, и било ег(о) долго, и ѿн наколослся ножем самъ». Только Арина Тучкова отметила не только факт ранения, но и факт смерти мальчика. Ей пришлось особенно тяжело: вероятно, она ближе всех находилась к царевичу и потому именно она подхватила его на руки, когда он упал. Именно у нее на руках его «не стало», и она эмоционально глубоко переживала его смерть, виня в ней себя («того не уберегла»): «ходил ц(а)р(е)в(и)чь Дмитреи в субботу по двору, играл з жилцы ножиком, и она тог(о) не уберегла, как пришла на ц(а)р(е)вича болѣзнь черная, а у нег(о) в тѣ поры был нож в руках, и ѿн ножем поколослся, и она ц(а)р(е)в(и)ча всяля к себѣ на руки, и у неѣ ц(а)р(е)в(и)ча на руках и не стало».

¹² Ср. в показаниях Волоховой: «...и как ц(а)р(е)вич в болѣзни в черной поколослся ножом, и ц(а)р(и)ца Мар(ь)я збежала на двор и почала еѣ, Василису, ц(а)р(и)ца Мар(ь)я бити сама полѣномъ...».

¹³ Столярова Л. В., Белоусов П. В. Смерть царевича... С. 5–24.

2. «По ком звонит колокол?»

Гул набатного колокола церкви святого Спаса («звон великой») разорвал послеполуденную тишину в Угличе. Ударили в колокола и на посаде. Похватав топоры, сабли и рогатины, напуганные и возбужденные сигналом тревоги угличане бросились к церкви Св. Спаса и к царевичеву дворцу. В процессе расследования многие показали, что в этот момент «чаяли, что пожар». Предположения о пожаре в Угличе в связи с прозвучавшей тревогой отмечены в показаниях Григория Нагого, архимандрита Феодорита, игумена Савватия, покровского игумена Давида, попа Богдана, Авдотьи Битяговской, конюха Даниила Григорьева и др.: «...Послышел деи ѿн на Угличе у Сп(а)са в соборе и на посаде звон великой... и ѿн деи чаял, что пожар, и приѣхал на Углич...»; «послышели есмя в городе свон великой, и чаяли есмя в городе пожару...»; «...и услышев... звон, <...> поскочили на двор, а чаяли пожару...»; «...и послышели в городе свон, и чаяли тог(о), что горит...»; «... сазвонили в колокола, и они чаели, что сагорѣлося...»; «...послали слуг провѣдывати, а чаяли тово, что любо горит гдѣ...»; «...и послышели в городе свон, и чаяли тог(о), что горит...».

Из показаний царяконстантиновского пономаря вдового попа Федора (Федота) Огурца следует, что первым в набатный колокол ударил сторож Максим Кузнецов. Однако расспросных речей Кузнецова в следственном деле нет. В сохранившихся показаниях других (кроме Огурца) участников угличских событий имя его не фигурирует. Кто отдал ему распоряжение бить в набат, неясно. В любом случае очевидно, что Максим Кузнецов был одним из первых в Угличе, кто узнал о произошедшей трагедии и первым, кто подал сигнал тревоги угличанам. Спокойствие было взорвано, одна трагедия породила множество других. Набат собрал побросавших свои дела людей в агрессивную, живущую по своим законам толпу.

Одним из тех, кто «был дома», но услышав набатный гул, «от себя з двора побежалъ в городъ», был Федор Огурец. Возле церкви Св. Спаса он встретил бежавшего ему навстречу стряпчего Суботу Протопопова. Протопопов велел Огурцу лезть на колокольню и «у Сп(а)са в колокол звонити». Однако почему Субота Протопопов отдавал распоряжения явно не находящемуся у него в распоряжении Огурцу, почему понадобился еще один звонарь, хотя в колокол уже всюду бил исчезнувший потом Максим Кузнецов, почему Федор Огурец ринулся исполнять поручение стряпчего «силно звонити», да еще и в порядке ускорения получил от него по шее («и какъ прибежалъ к ц(е)ркве к Спасу и к [не]му встрѣчу бежит Кормовоз(о) дворца стряпчеи Субота Протопопов, и велѣл ему у Сп(а)са в колокол звонити, да ударилъ ево в шею и велѣл ему силно свонити»), ясно не вполне.

На наш взгляд, ситуацию проясняет утверждение Огурца, что «говорил ему Субота перед Григор(ь)емъ Нагим, а скасал, что ему велѣла свонит(ь) ц(а)-р(и)ца Мар(ь)я». Из этого оборота ясно, что Григорий Нагой уже был у Спаса,

когда к церкви с разных сторон прибежали Огурец и Субота Протопопов. Огурец был отправлен на колокольню святого Спаса, несмотря на то что рядом находилась церковь Св. Константина и Елены, в которой он служил: набатный колокол следовало доверить звонарю лучшему, чем был сторож Кузнецов.

Из показаний Михаила и Григория Нагого следует, что они, как и большинство угличан, в момент трагедии были у себя на подворье, куда приехали обежать: «в шестом часу дни зазвонили в городе у [Спаса в колокол, а он, Михаилу, в те поры был у себя] на подвор(ь)е и чаял *он* того, что гор[ит.....] бежал *он* к ц(а)р(е)вичю на двор, а ц(а)р(е)вича зарѣз[али]...»; «поѣхал[и] *они*, Михаилу, брат ево, да *он*, Григорей, к себѣ на подвор(ь)[е] обѣдат(ь); и тол(ь)ко *они* пришли на подвор(ь)е, ажно сазвонили в колокола, и *они* чаели, что загорѣлося, и прибежали на двор, ажно ц(а)р(е)вич Дмитрей лежит...». Однако вряд ли это соответствует действительности. Из материалов следствия видно, что Михаил и Григорий Нагие были на месте гибели племянника одними из первых и к моменту прибытия дьяка Михаила Битяговского уже пытались дирижировать событиями. При этом Михаил Нагой был в состоянии сильного алкогольного опьянения («...и прискочил... сь ево [дво]ра к ц(а)р(и)цѣ на дворъ Михаилу Нагои пьянь на конѣ», «а Михаилу... Нагой мертвъ пиян»).

Григорий Нагой показал, что царевич Дмитрий был еще жив, когда он с братом появился на заднем дворе, и умер буквально у них на глазах: «а какъ *они* пришли, а ц(а)р(е)вич ещо жив был и при них преставился». Эта деталь выделяет показания Григория Нагого из числа других, принадлежавших лицам, бывшим на своих «подворьишках» и примчавшимся на место трагедии по зову набатного колокола. Все они показали, что сбежались, когда царевич был уже мертв.

Стараясь во время следствия оградить себя от обвинений в убийстве дьяка Михаила Битяговского и побитии угличан, *они* отрицали свою причастность к формированию толпы и потому всячески старались отвести от себя подозрения в организации набата. Не случайно никто из Нагих во время следствия так и не сознался в очевидном, а именно в том, что распоряжение звонить в колокол исходило от них. Григорий Нагой прямо валил «вину» на Федора Огурца: «... а в колокол... свонит(ь) учал понамар(ь), *огурцом совут*». Братья Михаил и Григорий Нагие изо всех сил старались доказать, что *они*, как и другие угличане, прибежали «с подворьишка», думая, «что загорелося».

Однако Михаил Нагой проговорился, когда упомянул, что «был *он* все у ц(а)р(и)цы». Думаем, царицены братья либо вовсе не уезжали, а с самого начала и до конца оставались во дворце, либо, не успев отъехать далеко, вернулись на крики свидетелей. Это возможно только в том случае, если «подворье» Нагих располагалось на территории Кремля в непосредственной близости от дворца. Подтвердить или опровергнуть это предположение сведениями источников о местоположении подворья братьев Михаила и Григория Нагих невозможно, поскольку таковые отсутствуют или не сохранились.

Пока Григорий колотил Волохову, Михаил Нагой отдавал распоряжения сторожу Максиму Кузнецову лезть на колокольню святого Спаса и бить в набат. Вероятно, усердие сторожа Максима Кузнецова на колокольне показалось Нагим недостаточным. К церкви святого Спаса с приказом от царицы усилить набат помчался подвернувшийся под руку стряпчий Субота Протопопов. Григорий не ограничился посылкой туда Протопопова и, покончив с избиением Волоховой, отправился вслед за ним. Только в таком случае понятно, почему в своих показаниях Субота Протопопов ссылается на указания Михаила Нагого, а пономарь Огурец говорит о том, что на колокольню в присутствии Григория Нагого его отправил Протопопов («...какъ приѣхал на дворъ Михаилѡ Нагой и велѣл ему, Суботе, звонит(ь) в колокола для тог(о), чтоб мир сходился, и он и приказал понамарю Огурцу звонити. Какъ люди многие сошлись, и Михаилѡ Нагой велѣл убити Михаила Битяговскаго...»; «...а говорил ему Субота перед Григор(ь)емъ Нагим, а скасал, что ему велѣла звонит(ь) ц(а)р(и)ца Мар(ь)я, и он потому и звонил в колокол...»). Именем обезумевшей от горя царицы вполне могли действовать оба ее брата.

В показаниях угличских рассыльщиков Молчана Суворова, Рюмы Иванова, Гриши Мелюмина, Первуши Иванова, Василия Малыгина, Тренки Мичорина и Семейки Онтипова со товарищи прямо говорится о том, что приказ о набате отдал Михаил Нагой. Интересно их замечание об алкогольном опьянении Нагого: «И прискочил <...> съ ево [дво]ра к ц(а)р(и)цѣ на дворъ Михаилѡ Нагой пьянь на конѣ и велѣл звонити в колокола». Однако момент появления Нагого на месте трагедии рассыльщики видеть не могли: возле умирающего царевича он оказался одним из первых, когда там еще никого кроме царицы, мамки, няньки, постельницы и «робяток-жильцов» не было. Рассыльщики, как и многие угличане, получившие информацию о гибели царевича во взвинченной набатом толпе, во время следствия не скрывали своей неосведомленности. Поэтому не исключено, что в их показаниях, как и в показаниях других участников событий 15 мая 1591 г., смешались разные впечатления этого дня. Циркулировавшие в толпе слухи и увиденное лично переплелись в полные драматизма картины. Гибель наследника, приказ бить в набат, тревога в Угличе, кровавые сцены расправы со «злоумышленниками» и убийство дьяка Михаила Битяговскаго (см. ниже) породили в коллективном сознании толпы некую новую реальность, во всей своей причудливой неточности и недостоверности отразившуюся в Следственном деле. Толпа создала некий миф, в котором определенное место заняло и опьянение Михаила Нагого. К этому мы еще вернемся.

Постепенно территория возле дворца и площадь перед Спасским собором заполнилась людьми («а посадцкие люди збежалис[я] на звон»). Правильнее было бы сказать, что толпы угличан, сбежавшихся «со в[се] четыреѣ стороны, с коп(ь)и, и с рогатинами, и с топоры», перемещались со двора на площадь и наоборот. Примчались к Спасскому собору слуги, присланные архимандритом Феодоритом и игуменом Савватием из Воскресенского монастыря

«проведывати» в толпе посадских людей, что случилось. Спасский кутейщик Богдаш «прибежал от царицы к ним в монастырь...», «велел им в город ехать», и архимандрит Феодорит и игумен Савватий двинулись к церкви Св. Спаса. «Звон великой» услышали в Покровском монастыре, расположенном «в двух верстах за Волгою», и игумен Давыд также поспешил в город. Увидев «в городе и на царевичеве дворе многие люди», он разговорился с двумя дворовыми, которые рассказали ему о трагедии. Набат застал врасплох попа Богдана — духовника Григория Нагого, — который «в тот д(е)нь в субботу ѡль у Михаила у Битиговског(о)». Он оказался свидетелем того, как Битяговский сначала отправил «людеи своих провѣдати в городе», а потом помчался во дворец сам. Прибежал со своего подворья ключник Сытного дворца Григорий Толубеев. Увидев «на ц(а)р(е)вичеве дворѣ и на улице люди многие», он принялся расспрашивать «сторонних людеи, для чево звонят». Здесь он встретил стряпчего Семейку Юдина и сытника Кирила Моховикова, которые рассказали ему о гибели царевича. «От дворовых людеи» узнали о смерти Дмитрия угличские рассыльщики Молчанка Суворов, Рюмка Иванов, Гришка Мелюмин, Первушка Иванов, Васька Малыгин, Тренка Мичорин и Семейка Онтипов. Побросав свои телеги, примчались «в город» 40 человек посошных людей во главе с приказчиком Василием Спиридоновым.

Взбудораженный Углич кишел слухами¹⁴. Напряжение нарастало. Детали трагедии, произошедшей только что, передавались из уст в уста и обрастали подробностями. Позднее, уже во время следствия, многие участники тех событий повторяли: «мы... в тѣ поры на дворѣ не были, а слышали...». Григорий Толубеев, только что сам расспрашивавший о случившемся, моментально включился в обсуждение подробностей гибели наследника. Сытники Михаил Меншиковъ и Немир Бурков, стряпчий Кормового дворца Субота Протопопов, пищик Кормового и Хлебного дворца Алеша Афанасьев на следствии показали, что Григорий Толубеев был их информатором наряду со всё теми же Семейкой Юдиным и Кирилом Моховиковым. Обращает на себя внимание тот факт, что первоначально в толпе угличан циркулировал слух о самозаклании царевича. Именно это повторяли в толпе Юдин, Моховиков и Толубеев («...тѣшился [царевич] з жилцами с робятки с маленькими в тычку ножем, и пришла на нег(о) немоч(ь) падучая, и бросило ево ѡ землю, и било ег(о) долго, и ѡн накололся ножем самѣ»). Именно те, кого «не было на ц(а)р(и)цыне дворѣ» и кто «от себя пришел» на «звон», подобно царицыну сыну боярскому Андрею Козлову,

¹⁴ В социальной психологии слухи рассматриваются как характерный способ передачи и распространения информации в толпе и считаются одной из отличительных особенностей толпы. Они выполняют функцию ориентации участников толпы и служат своего рода способом соотнесения своих действий с действиями других. Слухи выступают в качестве регулятора коллективного процесса принятия решений, формируют нормы поведения участников толпы, влияют на цели и способы действия толпы. Подробнее об этом см.: *Роцин С. К.* Психология толпы: Анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. 1990. Т. 11, № 5. С. 3–17.

добавляли в описание последнего приступа царевича новые выразительные детали: «...и ударило ево ѿ землю, и ѿн, летячи, да покололся сам ножом, которым сам играл»¹⁵.

Прибежали, побросав дела на конюшне, конюхи Федор Остафьев и Богдан Офремов. Поспев лишь к шапочному разбору, о случившемся они узнали тут же «от миру»: со двора уже выносили тела отца и сына Битяговских и побитых угличан. Конюх Федор Васильев, бывший в момент трагедии на пустоши, на следствии отмечал, что всё произошло «без него... а про то он слышел от людей».

Слухи, начавшие циркулировать в толпе сбежавшихся на звук набата угличан, сопровождались именно указанием на ранение, а не на смерть царевича Дмитрия. Только в расспросных речах царицыных детей боярских Лошакова, Колобова, Горотчикова и Нагина упомянуто, что наследник «ножилом ся сам покололь и *от тог(о)* и умер». Но они-то как раз и не участвовали в распространении слухов о гибели царевича, поскольку предпочли скрыться («розбежались»)! Смерть царевича упомянута также в показаниях губного старосты Ивана Муранова, которого также не было среди очевидцев трагедии: «и в те поры пришла на *нег(о)* немоч(ь) падучая, зашибло ево ѿ землю и учало ево бити. Как де ево било, и в те поры *ѿн* покололся по горлу ножом сам, и *от того ѿн* умер». В этих расспросных речах отразилось знание о уже свершившемся факте, которое возникло *post factum*, когда в Угличе уже вовсю работала следственная комиссия В. И. Шуйского. Вообще в строгом смысле слова показания всех допрошенных угличан (кроме восьми непосредственных свидетелей и заведомо лгущих Григория и Михаила Нагих) о болезни, ранении ножом и смерти царевича были лишь отражением слухов, циркулировавших в Угличе. Может быть, поэтому однообразие полученной информации под пером писцов во время следствия обрело шаблонную форму «и *он* на *тот нож* набрушился сам», «и *ѿн* накололся ножом сам» и повторялось с удручающей монотонностью в свидетельствах разных лиц?

Постепенно угличане собрались на месте трагедии: «и многие люди посадские и всякие люди прибежали на двор». Уже давно стало ясно, что не пожарная тревога, а ранение и гибель наследника заставили бить в набат сторожа Максима Кузнецова и попа Федора Огурца. Во дворе стояли люди, уже успевшие многократно услышать передаваемую из уст в уста и расцвеченную подробностями историю о роковой игре царевича в тычку, его припадке и падении, когда он «покололся ножом». Плотным кольцом они обступили тело погибшего мальчика и находившихся возле него царицу Марью, двух ее братьев и дядю Андрея Александровича. Многие были вооружены саблями, топорами, рогатинами, дрекольем. Кормилица Арина Тучкова, скорее всего, передала умершего

¹⁵ Так, И. И. Полосин писал: «В изложение версии о несчастной случайности свидетели вносили свои домыслы и стилистические украшения...» (см.: Полосин И. И. Социально-политическая история... С. 236–237).

ребенка Нагим и затерялась в толпе. Отошла в сторону постельница Марья Колобова. Вероятно, попыталась отползти поближе к людям избитая Волохова. Где-то рядом валялось окровавленное полено, которым колотили ее Нагие. Смешались с толпой или разбежались (как, возможно, кто-то из мальчиков-жильцов¹⁶) другие свидетели гибели царевича Дмитрия. На всякий случай поспешили скрыться с глаз царицыны дети боярские Иван Лошаков, Смирной Горотчиков и Иван Нагин. Подальше от Углича с ними бежал муж постельницы и отец жильца Петруши Колобова Самойло Колобов. Кружение толпы¹⁷ закончилось. Она сформировалась¹⁸.

3. Смерть государева дьяка Михаила Битяговского

В это время разыгралась полная драматизма сцена, ставшая прологом расправы над «злоумышленниками». До предела взвинченная, охваченная психозом, взбудораженная видом вооруженной толпы, центром которой она оказалась, Мария Нагая приказала «мужикам» содрать с избитой Волоховой одежду и головной убор, т. е. обесчестить ее и подвергнуть публичному унижению и позору: «И ц(а)р(и)ца де Мар(ь)я вельѣа еѣ, Василису, всяти посадцким людем, и мужики де еѣ всяли и еѣ ободрали и простоволосу еѣ держали перед ц(а)р(и)цею». Вероятно, свои распоряжения Мария Нагая сопровождала проклятиями в адрес «убийц царевичу», чьи имена она не уставала повторять. Вид мертвого ребенка, обезумевшей от горя матери, сцены бесчестия Волоховой неизбежно

¹⁶ Показания Петруши Колобова, отвечавшего на следствии за себя и за других мальчиков-жильцов Бажена Тучкова, Ивашки Красенского и Гриши Козловского, касаются только последней игры царевича, его припадка и ранения, а также того, кто в это время находился во дворе. О дальнейших событиях, развернувшихся на месте гибели Дмитрия, Петруша не говорил, а его, вероятно, не спрашивали. Следственной комиссией были заданы только два вопроса: 1) «Хто в тѣ поры за ц(а)р(е)в(и)чем были?» и 2) «Да Осипъ Василисин с(ы)нъ Волохов, да Данило Михайлов с(ы)нъ Битяговско(о) в те поры за ц(а)р(е)в(и)чем были ли?». Как известно, мальчик Колобов покинул место трагедии одним из первых, и, скорее всего, туда больше не возвращался.

¹⁷ Кружение (циркулярная реакция) — понятие, сложившееся в социальной психологии и характеризующее определенную стадию формирования толпы, когда чувства людей, составляющих толпу, еще больше обостряются и у них возникает готовность реагировать на информацию, поступающую от присутствующих. Это взаимное эмоциональное заражение, предполагающее передачу эмоционального состояния на психофизиологическом уровне контакта (ср.: *Почебут Л. Г.* Социальные общности. СПб., 2005. С. 189–190).

¹⁸ Под толпой следует понимать неорганизованное скопление людей, не имеющих общей цели и находящихся на ограниченной территории в состоянии сильного эмоционального возбуждения (см. например: *Роштин С. К.* Психология толпы... С. 4). В толпе отсутствует четкая социально-психологическая структура, однако ярко выражена потребность в вожде. В толпе нет личностей, они деиндивидуализированы, и это создает ощущение безнаказанности и силы. На эмоциональное состояние людей воздействуют слухи, а их волевой контроль ослаблен паникой. Обычно толпа принимает своеобразную кольцеобразную форму (подробнее см.: *Почебут Л. Г.* Социальные общности... С. 174).

должны были оказать сильное эмоциональное воздействие на окружившую царицу толпу. Потрясенные увиденным, угличане обменивались слухами и собственными впечатлениями. Неизбежно происходило эмоциональное заражение толпы¹⁹: совершенно бессознательно, через движения, жесты, взгляды людям передалось некое общее психическое состояние. Эмоциональное воздействие людей внутри толпы друг на друга многократно усиливалось. Индуктором толпы, заразив всех вокруг себя гневом и душевной болью, стала царица Марья, у которой на фоне нахождения в толпе возникла реакция ажитации с последующим развитием реактивного параноида. Ярость царицы была готова обрушиться на Волохову с новой силой и за приказом раздеть Волохову и сорвать с нее головной убор вполне мог последовать приказ о ее казни. Однако новым актом трагедии стало появление на месте гибели царевича Дмитрия дьяка Михаила Битяговского. Оно и отвлекло толпу от Василисы Волоховой и, по-видимому, спасло ей жизнь. Внимание агрессивной толпы переключилось на новую жертву.

Источники несколько расходятся в показаниях о поведении государева дьяка перед гибелью (табл. 1, 2). По словам его вдовы Авдотьи, Михаил Битяговский с сыном Данилой обедали «у себя на подворьишке». За столом у Битяговских сидел («фль») личный духовник Григория Нагого царяконстантиновский поп Богдан. Трапезу прервал набат. Согласно Авдотье Битяговской, ее муж и сын, услышав «звон» и подумав о пожаре, вскочили из-за стола и бросились к царевичеву дворцу («поскочили на двор»). Поп Богдан этот эпизод описывает иначе: отец и сын Битяговские не немедленно отправились во дворец, а сначала послали «людеи своих провѣдати в городе». Это означает, что Михаил Битяговский появился на месте трагедии далеко не сразу. Случившееся застало его врасплох и было воспринято им как обстоятельство, требовавшее его немедленного присутствия на месте (все свидетели показали, что он «приехал туто ж на двор» (М. Нагой), «прискакал» (Г. Нагой), «прискочил» (рассыльщики), «прибежал», «туто ж <...> прибежал» (В. Волохова, Д. Григорьев), «тотчас приехал», «приехал» (поп Богдан, подключники)).

Особняком стоят показания угличских рассыльщиков, поданные в виде челобитной 20 мая 1591 г. В них утверждается, что Михаил Битяговский в сопровождении сына Данилы появился в своей резиденции — в Дьячей Разрядной избе, которая, вероятно, находилась за пределами дворцового комплекса («А дьяк Михаило Битыговскои, слышав тот шум, пришел [с] с(ы)ном в Дяич(ь)ю избу»). Только после того, как сытник Кирилл Моховиков подал ему «весть, что ц(а)р(е)вичь болѣн чернымъ нѣдугомъ», дьяк будто бы «при-

¹⁹ Подробнее об эмоциональном заражении см.: *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 251–267. Механизм заражения сводится к эффекту многократного взаимного усиления эмоциональных воздействий общающихся между собой людей. При этом степень накала страстей находится в прямой пропорциональной зависимости от величины аудитории и состояния индуктора толпы.

шел на двор к царицѣ». Данила Битяговский остался в Дьячей избе («...Михаило Битыговскои пришел на двор к царицѣ, а с(ы)нѣ Михаилов ѡстался в Диячѣ избе»). Согласно показаниям конюха Данилы Григорьева и рассыльщиков, с Данилой Битяговским в Дьячей избе находился еще племянник Михаила Битяговского Микита Качалов.

На дворе царевича дьяк оказался, когда там уже кишела толпа («люди многие сошлись»). Согласно показаниям подключников, за Битяговским «взошли на двор многие посатцкие и слободцкие люди». Сытник Кирилл Моховиков показал, что, примчавшись к месту трагедии, Битяговский оказался перед закрытыми воротами, которые он ему и отворил: «...И Михаило Битяговской, прискочив ко двору к воротом, а ворота были заперты, и онѣ побежал к Михаилу к воротомъ, и Михаилу ворота отперъ». Что за закрытые ворота оказались на пути у дьяка — неизвестно. Где находились «подворье» Битяговских и Дьячья изба и с какой стороны государев дьяк мог подъехать к дворцу, сохранившиеся письменные источники умалчивают. Полномасштабные археологические раскопки на территории угличского Кремля и дворцового комплекса, которые, возможно могли бы пролить свет на этот вопрос, до сих пор не произвелись. Достоверных данных письменных источников по истории Угличского кремля в XVI в. нет²⁰. Однако не исключено, что Михаил Битяговский вошел на двор с южной открытой стороны Кремля, которая в конце XVI в. была обнесена оградой²¹.

По предположению исследователей, передняя часть дворцового комплекса в Угличе имела П-образный план с внутренним двором-курдонером. Слева от внутреннего двора располагался Спасо-Преображенский собор, слева — сохранившаяся княжеская палата. В глубине двора находился расположенный уступами ряд дворцовых зданий, вытянутый вдоль берега Волги. Дворцовые здания имели внутренний защищенный двор, ворота, переходы, крыльца. Как

²⁰ Приводим выдержку из письма Е. А. Лиуконена авторам статьи от 17 марта 2014 г.: «Если отдельно касаться истории кремля, то обращаю внимание на такое обстоятельство — историческая топография XVII века достаточно хорошо известна на основе многочисленных подлинных документов, при этом о периоде XV–XVI веков сведений очень мало. Писцовые книги того времени не сохранились, в Угличских летописцах кремль того времени описан лишь в общих чертах, эти описания похожи на информацию из Писцовых книг 1670-х годов. Известны лишь некоторые основные объекты — Спасо-Преображенский собор, княжеский дворец, — но очень мало информации о структуре и облике крепости, характере застройки. Поэтому сказать что-то определенное об облике кремля до Смутного времени крайне сложно».

²¹ Здесь и далее в вопросах исторической топографии угличского Кремля мы пользуемся наблюдениями и выводами заведующего отделом хранения Угличского историко-архитектурного и художественного музея Евгения Анатольевича Лиуконена, любезно сообщенными нам в его письме. Выражаем ему нашу сердечную признательность не только за подробнейшее разъяснение интересующих нас вопросов, но и за детальные консультации, которые он нам дал. Сведения, приведенные Е. А. Лиуконеном в его частном письме, мы сочли необходимым воспроизвести здесь почти дословно.

полагают, со стороны Волги дворцовые здания были объединены толстой каменной стеной, которая могла служить крепостной стеной и фасадом Кремля со стороны Волги, либо перед ней на размытом впоследствии участке берега была еще деревянная стена с башнями, как в более позднее время. Участок дворцового комплекса с восточной стороны, около сохранившейся Палаты, остался неизученным. Там находится асфальтовая площадка, которая не вскрывалась при раскопках. Поэтому полное представление о дворцовом комплексе в настоящее время составить невозможно. На том участке, к северо-востоку от Палаты, находилась княжеская домовая Константино-Еленинская церковь, обращенная на задний двор, где погиб царевич. В тех же местах располагались Флоровские ворота крепости, выходившие на Каменный ручей и восточную часть посада. Дворцовые здания, по всей видимости, в основном имели деревянные верхние этажи и каменные подклеты, нижние части стен которых хорошо сохранились. По соседству с собором, с северо-западной стороны, располагалось башнеобразное каменное здание, возможно, похожее на сохранившуюся Палату. Северной стороной Спасо-Преображенский собор вплотную примыкал к западной оконечности дворцового комплекса. Галерея собора почти смыкалась с дворцовыми зданиями. Поэтому прежний собор вплоть до разрушения дворцового комплекса в Смутное время был по сути дела не отдельно стоящим зданием, а частью ансамбля княжеского дворца. Возможно, с южной открытой стороны площадь была обнесена оградой с воротами, которые и оказались запертыми в момент прибытия на место трагедии дьяка Михаила Битяговского.

Обращает на себя внимание, что Кирилл Моховиков (тот самый, который отпер ворота) упомянут в качестве лица, сообщившего Битяговскому об очередном припадке царевича: «...а подал весть Михаилу Битяговскому сытник Кирило Миховиков, что ц(а)р(е)вич болен черным недугомъ». В контексте описываемых событий это сообщение выглядит довольно странно. Если дьяк действительно сначала оказался в Разрядной избе и там получил «весть» Моховикова, то неясно, как последний умудрился успеть еще и открыть ворота дьяку. Кроме того, Битяговскому и так было известно, что царевич болен падучей, и никакой новости, которую нужно было спешно сообщить, в этом не было. Знал дьяк от «людей своих» и о сегодняшнем происшествии во дворце. При этом Моховиков никак не мог быть одним из этих «своих людей», поскольку в противном случае он не успел бы вернуться раньше дьяка и оказаться по другую сторону ворот, чтобы отпереть их. О чем тогда предупреждал дьяка Михаила Битяговского сытник Кирилл Моховиков и когда было сделано это предупреждение?

Думаем, что Моховиков, оставаясь в числе других дворовых слуг всё это время во дворе, был непосредственным свидетелем того, как постепенно оформилась и всё более и более заводила толпу версия об убийстве царевича злоумышленниками. Подавая Битяговскому «весть», Моховиков предупреждал дьяка о том, что у царевича случился очередной припадок, и что во дворе произошло не убийство, а несчастный случай. Эту «весть» Моховиков мог подать Битяговскому только

в момент отпирания ворот. Сообщение же рассыльщиков о прибытии дьяка в Разрядную избу и только потом — во двор царевича — выглядит недостоверным, поскольку противоречит другим показаниям свидетелей. Не соответствует действительности и свидетельство рассыльщиков о том, что Битяговский был убит в Дьячей избе. Сразу несколько очевидцев показали, что дальнейшие события разворачивались не у Дьячей Разрядной, а в Брусняной избе. Не исключено, что рассыльщики задним числом домысливали события, пытаясь объяснить присутствие в Разрядной избе сына Битяговского Данилы и Микиты Качалова их сопровождением дьяка. Однако Михаил Битяговский, скорее всего, в этот раз не был в своей резиденции и, как показали его вдова Авдотья и поп Богдан, сразу же из-за обеденного стола спешно направился во дворец.

Убийца дьяка конюх Данилка Михайлов сын Григорьев указал, что «Михаило Битеговской, взбежав на двор, да вверх побежал, а чаял тог(о), что ц(а)р(е)в(и)чъ вверху». Обычно это свидетельство принимают за указание на то, что Битяговский, думая, что царевич «поколелся ножом» во дворце, а не на заднем дворе, ринулся сначала туда. Не найдя мальчика в доме, Битяговский будто бы выскочил на задний двор. Во всяком случае, оборот «в верх» в Следственном деле встречался для обозначения направления движения слуг, понесших «кушанья» в обеденную палату царицы Марии Нагой, по-видимому, находившуюся во втором этаже. «Вверху са поставцем» стояли в момент трагедии подключники. Мария Нагая «збежала... вверху», услышав крики и панику на заднем дворе. Однако в данном случае оборотом «в верх», скорее всего, было обозначено направление от ворот к площади перед Спасским собором, куда позднее Нагие отнесли тело царевича. Именно «в верху» (по-видимому, в непосредственной близости от Спасского собора) находилась Брусняная изба, где пытался спастись Битяговский («...и посадские люди, взбежав вверхъ, да Михаила Битеговског(о) выволокли из Брусняной избы, да тут ево и убили» (конюх Михаил Григорьев)). Туда же — «в верх к церкви к Спасу» — позднее привели на расправу Осипа Волохова («...а Осипа Волохова привели к ц(а)р(и)це в верхъ, к ц(е)ркве к Спасу, и тут ево перед ц(а)р(и)цею убили до смерти» (Григорий Нагой)).

Сочувствие и помощь Михаилу Битяговскому едва не стоили Кириллу Моховикову жизни. Рассыльщики назвали Моховикова рядом с растерзанными толпой якобы за убийство царевича Данилой Третьяковым и Никитой Качаловым, причем упомянули, что Третьякова и Моховикова распорядился убить лично Михаил Нагой: «...а Дан[и]ла Трѣт(ь)якова и Кирила Моховикова велѣл Михаила убити на пѣреходех...». По всей видимости, изувеченный Моховиков остался жив лишь по чистой случайности. Скорее всего, его, избитого и покалеченного, не добились только потому, что приняли за мертвого: «...и меня почали бити и сабили на смерть, руки и ноги переламали...».

Согласно показаниям попа Богдана, Битяговский оказался на месте трагедии, когда «посатские люди многие» металась по двору «с рогатинами, и с то-

поры, и с саблями». Почувствовав опасность, исходившую от этого бессмысленного и агрессивного брожения, Битяговский попытался толпу успокоить. Сразу несколько свидетелей расправы над Битяговским показали, что он начал с толпой «розговаривати». При этом очевидно, что Михаил Битяговский обращался еще и к Михаилу Нагому, видя в нем лидера и единственную силу, способную остановить взбудораженную толпу.

Таблица 1

Показания Григория Нагой, Василисы Волоховой, посошного сборщика, попа Богдана, подключников А. Ларионова, Юрия Иванова и Якова Гнидина, а также сытника Кирилла Моховикова о «разговорах» дьяка Михаила Битяговского перед толпой

Григорий Нагой	Василиса Волохова	Посошн. сборщик	Поп Богдан	Подключн.	Кирилл Моховиков
...А Михаи[ло] Битяговскои учал розговаривать...	...И почал был розговаривати посадцким людем и Михаилу Нагому...	...Михаилу Нагово ро[з]-говаривати и посадцкимъ люд[ем], чтоб он, Михаила, унел шумъ и дурна которого не сдѣлал...	...И Михаил почал имъ розговаривати: Для вы чево прибежали с топоры, и с саблями, и с рогатиами?..	...и убили ихъ до смерти за то, что имъ Михаило Битяговскои розговаривал...	...И какъ Михаило взошел на дворъ и учал посадцкимъ и всяким людемъ розговаривать...

Вероятно, слова и действия Михаила Битяговского были направлены на то, чтобы прогнать вооруженных людей со двора. Как показал поп Богдан, Битяговский, умирняя толпу, спрашивал: «Для вы чево прибежали с топоры, и с саблями, и с рогатинами?». Согласно челобитной неустановленного лица, Битяговский требовал от Михаила Нагого, чтобы тот «унел шумъ и дурна которог(о) не сдѣлал». Такие успокоительные речи могли вестись только в одном случае: если государев дьяк пытался внушить толпе мысль о том, что произошедшее с царевичем — не результат злого умысла и действий подосланных убийц, а несчастный случай.

Единственный из всех свидетелей Григорий Нагой со ссылкой на Федора Огурца показал, что в какой-то момент Михаил Битяговский ринулся на колокольню Спасского собора, где в это время всё еще находился и, по-видимому, продолжал бить в набат поп Огурец. Обычно это упоминание расценивают как неудавшуюся попытку Битяговского укрыться от толпы на колокольне: «...а то ему Григор(ь)ю сказывал он же, поп Федотъ, что деи велѣл ему звонит(ь) Субота, а прибежал был к нему в колокол(ь)ню Михаило Битяговскои, и он ся запер и в колокол(ь)ню его не пустил». Однако соборная колокольня представляется нам неподходящим и даже в известном смысле опасным местом

для убежища (с колокольни в случае преследования дьяка могли и сбросить). Кроме того, если бы Битяговский искал укрытия в церкви, он наверняка побежал бы в сам Спасский собор или в Константиноеленинскую церковь. Думается, Битяговский рвался на колокольню, исчерпав словесные аргументы и пытаясь прекратить звук набатного колокола, который продолжал собирать озверелую толпу и делал ее всё более угрожающей. Вероятно, это было его ошибкой. Вид всеильного дьяка, еще недавно бывшего хозяином в Угличе, униженно и бестолково колотящегося в запертую перед ним дверь, только раззадорил толпу. Скорее всего, именно в тот момент, когда Огурец затворился на колокольне, а Битяговский требовал открыть ее, последовал приказ убить «злоумышленников», имена которых давно уже были произнесены. В воздухе всё отчетливее пахло кровью.

В показаниях Василисы Волоховой и челобитной посошного сборщика прямо говорится о том, что приказ убить дьяка Михаила Битяговского отдали царица и Михаил Нагой: «...и ц(а)р(и)ца <...> Мар(ь)я и Михаило Нагой велѣли убити Михаила Битяговского» (Волохова); «...и ц(а)р(и)ца <...> Мар(ь)я и Михаило Нагой <...> Михаила Битяговског(о) туто велѣли убити посадцким людем» (челобитчик). Им вторит один из убийц дьяка конюх Данилка Григорьев: «А велѣли посадцким людем Михаила Битяговсково убити ц(а)р(и)ца Мар(ь)я да Михаило Нагой». Стряпчий Суббота Протопопов указал на одного Михаила Нагого: «...и Михаило Нагой велѣл убити Михаила Битяговского». То, что приказал расправиться с дьяком один Михаил Нагой, показал и царицын сын боярский Андрей Козлов: «а велѣл посадцким людем и черни побити дьяка Михаила Битяговског(о) с с(ы)ном и с товарицы Михаило Федоров с(ы)нѣ Нагово, и они с Михаилова велѣн(ь)я Нагово их и побили. А тово он не вѣдает, для чево Михаила Нагово велѣл Михаила Битяговског(о) с товарицы побити». Из челобитной Авдотьи Битяговской следует, что «велели убити» оба брата Нагие — Михаил и Григорий и что непосредственными исполнителями этого приказа были конюхи отец и сын Михаил и Данила Григорьевы: «и Михаило, г(осу)д(а)рь, Нагой и Григореи мужа моег(о) и с(ы)на велѣли убити по недружбе конюху ц(а)р(и)цыну Михаилу Григор(ь)еву да с(ы)ну ег(о) Данилку». Эти мельчайшие расхождения в показаниях вполне объяснимы. Располаясь во дворе, Михаил и Григорий Нагие могли действовать именем своей сестры-царицы. Что касается Марии Нагой, то имена «убийц» сына она начала выкрикивать, возможно, уже тогда, когда он еще не умер, но агонизировал, т. е. во время избияния Волоховой. Сам по себе вид обезумевшей от горя матери, требовавшей возмездия возле тела своего мертвого ребенка, не мог не возбуждать агрессивно заряженную вооруженную толпу. Реактивная ажитация царицы Марии Нагой с последующим развитием у нее реактивного параноида послужила тем детонатором, который эмоционально взорвал толпу. В аффективном состоянии были и братья царицы. Здесь, во дворе, при огромном стечении народа, они видели не только умершего мальчика и его страдающую мать, но и переживали крах

своих надежд. То, чего они так долго боялись, свершилось: смерть наследника навсегда перекрыла им возжеланный путь к трону. Отдавая приказ расправиться с Битяговским и другими «убойцами царевичу», Нагие не думали о последствиях и о неизбежной реакции Москвы на убийство государева дьяка. Ими двигала ненависть.

Таблица 2

Свидетельства о гибели дьяка Михаила Битяговского

Григорий Нагой	Посошн. сборщик	Подключн.	Поп Богдан	Конюх Данилка Григорьев (1)	Конюх Данилка Григорьев (2)	Рассыльщ.
И Михаило уб[е]жал в Брусеную избу на дворѣ,	И Михаило побежал в Брусеную избу а с ним Микита Качалов.	и Михаило деи ушел у них в Брусеную избушку,	И Михаило ушел был у них в Брусеную избу...		А от(е)ць ег(о) и он того ж с посадцкими людьми были, а Михаило Битяговскои с Данилом с Трет(ь)-яковыи утекли в Брусеные избу,	А дьяк Михаило Битяговскои, слышав тот шум, пришел [с] с(ы)ном в Дияч(ь)ю избу. ...а Михаило Битяговскои пришел на двор к царицѣ, а с(ы)нь Михаилов остался в Диячѣ избе...
И посадцкие люди выломали двери и Михаила выволокли, и тут ево уби[ли] до смерти,	И Михаила из избы выволокли и тут убили	И они... двери высекли, да выволокли Михаила Битяговсково	И они... у избы высекли двери, да Михаила Битяговског(о)	И посадцкие люди, взбежав вверхъ, да Михаила Битеговског(о) выволокли из Брусенной избы, да тут ево и убыли	и посадцкие деи люди, и он с отцом туто ж были из Бр[у]сяные избы вытащили и убили их	...И тут, г(о)-с(у)д(а)рь, Михаила Битаговског(о) убили до см(е)рти в Диячеи избѣ.

А Данила Трет(ь)-якова тут же с Михаиломъ убили вмѣсте.		Да Данило Трет(ь)-якова, да тут... ихъ и убили ихъ до смерти за то, что имъ Михаило Битяговскои розговаривал	и Данила Трет(ь)-якова, выволокли из избы, убили до смерти, потому что им почал розговариват(ь)			... а Дан[и]ла Трѣт(ь)якова и Кирила Моховикова велѣл Михаила убити на пѣреходех. а Микыту Качалова убили за ево шурина за жилища, да за Ѡсипа за Волохова
---	--	--	---	--	--	--

Толпа погналась за Битяговским, который как загнанный зверь метался по двору. Как показал поп Богдан, «...а посатцкие люди многие на двор(е) мочютца с рогатинами, и с топоры, и с саблями... И ѡни са Михаиломъ учили ся гаянати». Ища спасения, дьяк попытался укрыться в Брусяной избе. Вместе с ним побегал Данила Третьяков («уб[е]жал в Брусеную избу на дворѣ», «побегал въ Брусяную избу», «ушел у них в Брусяную избушку», «а Михаило Битяговскои с Данилом с Трет(ь)яковымъ утекли в Брусяные избу»). Согласно показаниям посошного сборщика, вместе с Битяговским в Брусяной избе попытался укрыться Микита Качалов: «И Михаило побегал в Брусеную избу, а с ним Микита Качалов». Попытка запереться в Брусяной избе успеха не имела. Деревянная дверь была вышиблена, а Михаил Битяговский с Данилой Третьяковымъ зверски убиты.

4. Свидетельства о гибели дьяка Михаила Битяговского

Угличские рассыльщики нарисовали полную драматизма картину последних минут жизни Михаила Битяговского. Уже понимая, что жизнь его кончена, дьяк закричал, что Михаил Нагой «добывает ведунов и ведуны на г(о)с(у)д(а)ря и на г(о)с(у)д(а)р(ын)ю, а хочет портит(ь)». Авдотья Битяговская напрямую связала убийство мужа с тем, что тот «многихда» изобличал Михаила Нагого в попытках ворожить «про государя и про царицу», а также в том, что Нагой «безпрестанно» добывал «ведунов и ведуней к царевичу Дмитрию». Именно в челобитной Авдотьи Битяговской упоминается имя Андрюшки Мочалова, ведуна, который жил у Нагих: «...велѣл, г(о)с(у)д(а)рь, тот Михаило да Григорей убити мужа моег(о) Михаила и с(ы)на моег(о) Данила по недружбе, что, г(о)с(у)д(а)рь, муж мои Михаило говорил многихда да и бранился с Михаилом за то, что он добывает безпрестанно ведунов и ведуней к царевичу

Дмитрею, а ведун, г(о)с(у)д(а)рь, *Ондрюшка Мочалов* тот безпрестанно жил у *Михаила*, да у *Григор(ь)я*, да у *Ондрѣвы* жены *Нагово* у *Зенов(ь)и*. И про тебя, г(о)с(у)д(а)ря, и про ц(а)р(и)цу *Михаило Нагой* тому ведуну велѣль ворожити, сколько ты, г(о)с(у)д(а)рь, долговѣчен и г(о)с(у)д(а)р(ы)ня ц(а)р(и)ца. То есми, г(о)с(у)д(а)рь, слыхала у мужа *своез(о)*». Обращает на себя внимание, что патриарх *Иев* перед Освященным собором прямо говорил об «измене явной» в Угличе, связывая ее с участием *Нагих* в ворожбе и ведовстве против государя. Борцом с ведовством *Михаила Нагого* патриарх *Иев* назвал погибшего *Михаила Битяговского*: «...*Михаило Битяговской* с ним, с *Михаилом* с *Нагим*, бранился почасту за г(о)с(у)д(а)ря, что он *Михаило Нагой* держал у себя ведуна *Ондрюшу Мочалова* и иных многих ведунов, и за тое великое измѣнное дѣло *Михаило Нагой* з брат(ь)ею и мужики угличане по своим винам дошли до всяког(о) наказан(ь)я». Обвинение в наведении порчи на царя *Федора Ивановича* и его супругу *Ирину Федоровну*, прозвучавшее 15 мая возле разгромленной *Брусяной избы*, было последним «государевым делом» дьяка *Михаила Битяговского*. Но даже оно при всей своей серьезности не могло остановить убийц. *Битяговский* был растерзан толпой. Сын *Михаила Битяговского* *Данила* и *Данила Третьяков* погибли возле *Разрядной Дьячей избы*, откуда их выволокли и безжалостно убили. Из материалов следствия не очень ясно, в какой последовательности произошли эти убийства.

Из показаний *Григория Нагого* и *Василисы Волоховой* как бы следует, что первой была разгромлена *Брусяная изба* и убиты скрывавшиеся там *Михаил Битяговский* и *Данила Третьяков* и только потом толпа приступила к погрому *Дьячей избы* и избиению «душегубцев царевичу». Согласно показаниям убийцы *Михаила Битяговского* *Данилы Григорьева*, сначала погрому подверглась *Дьячья разрядная изба* и только потом *Брусяная*. Прибежав на зов набата в город, *Михаил* и *Данила Григорьевы* увидели, что «...ломятца мног[ие] люди посадцкые и с судов казаки во *Дьяч(ь)ю* избу». Понаблюдав за избиением *Данилы Битяговского* и *Никиты Качалова* («...а от(е)ць ег(о) и он того ж с посадцкими людьми были») и, возможно, приняв в этом посильное участие, отец и сын *Григорьевы* переместились к *Брусяной избе*, где убили дьяка *Битяговского* и *Данилу Третьякова*: «...и выволокли *Данила* и *Микиту* из *Дьяч(ь)и* избы, туто их и побили до смерти... А *Михаило Битяговской* с *Данилом* с *Трет(ь)яковым* утекли в *Брусяные* избу, и посадцкые деи люди, и он с отцом туто ж были, из *Бр[у]сяные* избы вытащили и убили их».

«Измена» *Нагих* выросла в кровавую драму, главным действующим лицом которой оказалась агрессивная толпа. Лидерами толпы стали женщина в состоянии реактивного психоза (*царица Мария Нагая*) и ее мертвецки пьяный брат (*Михаил Нагой*).

5. Расправа над Осипом Волоховым

Материалы Следственного дела рисуют полную драматизма картину убийства сына царевичевой мамки Василисы Волоховой Осипа. Согласно свидетельству его матери, звук набатного колокола застал Осипа «у себя», где он, вероятно, обедал. Волохова показала, что ее сын побежал не к царевичеву дворцу, а бросился на подворье Битяговских. Дьяка дома он уже не застал, Осипа встретила жена Битяговского Авдотья.

Как известно, Михаил Битяговский, услышав набат, не сразу отправился на место трагедии, а в присутствии попа Богдана отправил своих людей узнать о происшествии. На то, чтобы добраться до Кремля и вернуться обратно, его слугам потребовалось какое-то время. Если предположить, что Осип сразу же, услышав набат, бросился со своего подворья к подворью Битяговского, следует думать, что их разделяло расстояние большее, чем то, которое дважды преодолели слуги по дороге от подворья Битяговского к царевичеву дворцу и обратно. Кроме того, слугам потребовалось время, чтобы вызнать, что происходит во дворце и почему ударили в набат. Иными словами, получается, что бежал к дьяку Осип Волохов подозрительно долго.

Несколько странным кажется и тот факт, что Осип, реагируя на сигнал тревоги в Угличе и ничего еще не зная о произошедшем, бежал не к церкви Спаса, как остальные угличане, а на подворье к Битяговскому. Такое было бы возможно, только если Волохов к этому времени уже знал о трагическом происшествии во дворце. Однако никто из тех, кого Нагие объявили «убийцами» царевича Дмитрия, в том числе и Волохов, в момент гибели мальчика на территории дворца замечен не был. Ребятки-жилыцы, отвечая на вопрос комиссии Шуйского о том, кого они видели возле царевича в момент его гибели, сказали, что «...были са ц(а)р(е)в(и)чем в тѣ поры толко они, четыре ч(е)л(о)в(е)ки жилцов, да кормилица, да постелница, а Осипа Волохова и Данила Михайлова с(ы)на Битяговскоз(о) в тѣ поры са ц(а)р(е)в(и)чем не было и са ц(а)р(е)в(и)чем не хаж[ва]ли»²². Не упомянули о Волохове и другие свидетели гибели Дмитрия Угличского. Тем не менее Волохову уже должно было быть известно, что царевич мертв, что его мать избита Нагими до полусмерти, а его собственное имя названо царицей в числе имен других «убийц» Дмитрия. Он мог увидеть происходившее во дворе своими глазами и скрыться неузнанным, затерявшись в толпе, а мог, будучи дома, получить информацию от кого-то из своих людей, решивших заранее предупредить его об опасности. В любом случае, к подворью Битяговских Волохов бежал в поисках укрытия и защиты. Здесь Осипа Волохова и «поймали посадцкие люди». Не исключено, что за ним гнались, и поиски Осипа Волохова не случайно привели его преследователей не к нему домой, а на подворье Битяговских.

²² Здесь и далее материалы Угличского следственного дела цит. по подлиннику: РГАДА. Ф. 148: «Угличская Следственная комиссия во главе с князем В. И. Шуйским». Оп. 1. Д. 1.

Думается, что Василиса Волохова не раскрыла в своих показаниях всей правды или же вся правда не была ей известна. Действительно, будучи при царевиче и не отлучаясь от него ни на минуту, она могла только предполагать, что ее сын Осип «был у себя» и до того, как бросился к Битяговскому, из дома не отлучался. Вероятно на следствии, всё еще опасаясь за свою судьбу, Волохова стремилась отвести тень подозрений в убийстве царевича от своего уже мертвого сына (а значит — и от себя тоже!) и всеми силами старалась доказать, что 15 мая он не появлялся ни в Кремле, ни во дворце ни до, ни сразу после трагедии.

«Поймавшие» Волохова посадские люди «привели его ещо жива перед ц(а)-р(и)цу». Согласно показаниям Авдотьи Битяговской, ее вместе с дочерьми также вывлекли из дома и потащили «на двор». Семью Битяговского вели на расправу всё те же отец и сын Григорьевы. Вдова дьяка была уверена, что распоряжение задержать их и доставить на двор отдали конюхам братья Нагие: «...прислали Михаило да Григорей того ж конюха Михалка с сыном съ его и з Данилкомъ по меня и по детишок на подвор(ь)ишко, и оѣнѣ, г(осу)д(а)рь, взяв меня с моими дѣтишками, ободрав, нагу и простоволосу поволокли на двор...». Дальнейшие события разыгрались на площади перед собором святого Спаса и непосредственно в соборе. К тому времени, как Осип Волохов, а затем и Авдотья Битяговская с двумя дочерьми были проконвоированы в Кремль, основное действие переместилось с внутреннего двора царевичева дворца к Спасскому собору.

Андрей Александрович Нагой на руках перенес тело царевича в собор. Рядом с Андреем Нагим шла безутешная царица. Возможно, ее вели под руки братья или слуги. Толпа угличан, оставив растерзанные тела убитых лежать во дворе, мрачно перетекла к собору. Архимандрит Савватий, узнав от присланного за ним и архиепископом Феодоритом кутейщика Богдаша о трагедии во дворце, приехал в город и застал тело царевича уже лежащим в церкви святого Спаса: «...и он приѣхал в город, ажно ц(а)р(е)вич лежит во Спасе сарѣзан». То же свидетельствовал архимандрит Феодорит: «...и какъ... приѣхали в город, а ц(а)р(е)вичево уж тѣло в Спасе лежит». Нагие неотступно находились рядом. Григорий Нагой в своих показаниях озвучил опасения семьи, что царевичево тело может быть похищено («...а блюлис(ь) от г(о)с(у)д(а)ря опалы, чтоб хто ц(а)р(е)вичева тѣла не украд»). Почему у Нагих возникли такие подозрения и кому и зачем мог бы понадобиться труп царевича — неясно. Возможно, тело царевича со следами ножевого ранения оставалось в воображении Нагих неопровержимым доказательством его насильственной гибели, в характере которой они не сомневались. Кража мертвого тела царевича означала бы для них сокрытие важнейшей улики, свидетельствующей об убийстве, чего они не могли не опасаться после инициированной ими резни в Угличе. Только доказанный факт гибели царевича от рук убийц мог оправдать самосуд и самоуправство Нагих. Не случайно тело царевича лежало в храме без погребения вплоть до приезда вечером 19 мая Следственной комиссии Шуйского. Оно было предано земле не ранее, чем на пятые сутки после трагедии, а именно 20 мая 1591 г. Не исключено, что перед погребением тело

царевича Дмитрия было осмотрено комиссией, хотя никаких сведений об этом нет. Возможно, подробный осмотр трупа и не производился, но в таком случае признаки ранения царевича в горло должны были быть очевидны.

Архимандрит Феодорит показал, что Осипа Волохова уже на его глазах привели «к ц(е)ркове к Спасу перед ц(а)р(и)цу» едва живого; вероятно, его перед этим жестоко избили. Архимандрит Савватий упомянул, что какое-то время Осип находился внутри собора: стоял «са столпомъ». Почему его, объявленного злоумышленником, втолкнули в церковь, где, вероятно по погибшему наследнику служилась панихида, неясно. Неизвестно и то, мог ли он сам, вырвавшись из рук своих конвоиров, броситься в церковь в поисках защиты и укрытия. Однако очевидно, что царица, находясь возле тела своего сына, была центром угличского бунта. Это она выкрикивала имена «убийц», она (или действовавшие ее именем Нагие) отдавала распоряжение ударить в набат, она собственноручно карала «преступников» (избиение Волоховой), она велела толпе поймать и казнить «злоумышленников», она спустя два дня после гибели сына распорядилась отыскать и убить «жоночку уродливую». Волоча избитого Осипа Волохова к церкви святого Спаса, угличане бросили его «ещо жива перед ц(а)р(и)цу». Словно дикие звери, ведомые запахом крови, они жадно ловили ее взгляд или ее единое слово, чтобы безжалостно растерзать, разорвать в клочья свою новую жертву. Чаще всего распоряжения Марии Нагой убивать озвучивал толпе ее брат Михаил Федорович, присвоивший себе право действовать именем «царицы». Царица же то и дело выкрикивала имена злодеев, якобы зарезавших ее сына. «Перед царицу» приволокли и семью дьяка Битяговского — его теперь уже вдову Авдотью и двух его дочерей Евдокию и Марью («горкую вдовицу ...б(о)гомоллицу Михаилову женишко Битяговсково *Авдот(ь)ицу [со] своими дочеришками з Дун(ь)кою да с Машкою*»).

Перемещение царицы и тела царевича в Спасский собор означало перенос туда эпицентра дальнейших событий. Вероятно, высший авторитет власти в Угличе ассоциировался с именем Марии Нагой и ее сына. Именно к царице тащили избитых, но еще живых «преступников», не решаясь их убить. Именно от нее ожидали решения их участи. Перед нею и всё у того же собора Св. Спаса несколькими днями позже комиссия Василия Шуйского допрашивала Арину Тучкову и Марью Колобову. Царица Мария Нагая и ее братья были для озверелой толпы угличан теми, кто должен и может вершить суд и расправу. Не имея в Угличе реальной власти (она была в руках государева дьяка Михаила Битяговского), они эту власть символизировали. Втащив в храм и поставив перед телом царевича, его матерью и их родственниками «пойманных» злоумышленников, толпа как бы избегала самосуда. Поскольку царица и ее семья находились возле тела царевича, лежащего в храме, и поскольку именно туда для совершения панихиды устремилось угличское духовенство, царицын суд и его решения толпа видела как осененные святостью церкви и божьим судом.

Расправа над Волоховым, вероятно, была отсрочена панихидой по царевичу. И архимандрит Феодорит, и архимандрит Савватий упомянули, что Осип Воло-

хов был убит уже после того, как они покинули церковь. Вероятно, стоя «са столпомъ», Осип не столько прятался, сколько наблюдал за панихидой, и затравленно и обреченно ожидал своей участи. Архимандрит Савватий на следствии показал, что не был свидетелем казни Волохова. Из показаний архимандрита Феодорита это явствует не вполне; создается впечатление, что он мог наблюдать убийство Осипа Волохова своими глазами. Впрочем, он констатировал сам факт расправы над Волоховым, больше сосредоточившись на описании конвоирования к церкви Авдотьи Битяговской с дочерьми и их спасения (см. ниже). Савватий же подчеркнул, что церковь не была осквернена убийством, и что с Волоховым расправились, «выветчи» его из храма: «А Михайло Битяговской да с(ы)нь ево Данило, да Микита Качалов, да Данило Трет(ь)яков и иные люди лежат в городе побиты, а Осипа Волохова застали ещѡ жива: стоит во Спасе са столпомъ. И после тог(о) как они из ц(е)ркви пошли, и Осипа, сказывают, убили. А того он не вѣдает, хто ево, выветчи, убил». Детали гибели сына подробно сообщила в своих показаниях Василиса Волохова. В его убийстве признался конюх Данила Григорьев.

Таблица 3

Описания гибели Осипа Волохова в расспросных речах архимандрита Феодорита и игумена Савватия, царевичевой мамки Василисы Волоховой и конюха Данилы Григорьева

Архим. Феодорит	Игум. Савватий	Василиса Волохова	Данила Григорьев
<p>И какъ они приѣхали в город, а ц(а)р(е)вичево уж тѣло в Спасе лежит, а Михайло Битяговской и с(ы)нь ево Данило, и Микитка Качаловъ, и Данило Трет(ь)яков, и Михайловы люди Битяговского, и Осиповы люди Волохова, и посадцкие люди три ч(е)л(о)в(е)ки лежат побиты. А Осипа Волохова привели при них, при нем, при архимарите при Феодорите, и при игумене Савватие, к ц(е)рковѣ к Спасу перед ц(а)р(и)цу толко чють жива, и тут ево перед ц(а)р(и)цею прибили до смерти. А Михайлову жену Битяговск[ого] з двумя дочерми привели тут же к Спасу и хотѣли их побити ж, и он, архимарит Феодорит и игумен Саватѣи, ухватили Миха[и]лову жену Битяговского з дочерми и отняли ихъ, и убити их не дали. И посадцкие люди Михайлову жену и дочерей держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили в полату са сторожи.</p>	<p>...А Михайло Битяговской да с(ы)нь ево Данило, да Микита Качалов, да Данило Трет(ь)яков и иные люди лежат в городе побиты, а Осипа Волохова застали ещѡ жива: стоит во Спасе са столпомъ. И после тог(о) как они из ц(е)ркви пошли, и Осипа, сказывают, убили. А того он не вѣдает, хто ево, выветчи, убил.</p>	<p>...и тут его и поимали посадцкие люди и привели его ещѡ жива перед ц(а)р(и)цу. И Михайлову жену Битяговског(о) з дочерми перед ц(а)р(и)цу ж привели. И ц(а)р(и)ца де миру молыла: то деи убоица ц(а)р(е)вичю с(ы)нь еѡ, Осип Волохов. И с(ы)на еѡ, Осипа, тут до смерти и убили, а убив, и прохолкали, что над санцем</p>	<p>А Осипа Волохова всяли на Михайлове дворѣ Битяговског(о) и привели ево к ц(а)р(и)це в ц(е)рков(ь) к Сп(а)су, и Михайло Нагон велѣл осипа Волохова и прибити, и посадцкие люди и он, Данилко, с отцом своим Осипа Волохова и убили до смерти</p>

В то время, когда Савватий и Феодорит выходили из церкви святого Спаса, конюхи отец и сын Григорьевы привели сюда семью Михаила Битяговского. Намерения толпы не оставили сомнений: вдову государева дьяка и двух его дочерей ждала неминуемая смерть («и хотѣли их побити»). Желая избежать напрасного кровопролития, служители церкви «ухватили Миха[и]лову жену Битяговского з дочерми и отняли ихъ, и убити их не дали». Вероятно, это отвлекло внимание Савватия и Феодорита от Осипа Волохова. Толпа снова переключилась на него, «и <...> Осипа тут до смерти и убили, а убив, и прохлкали, что над саицем».

Как известно, Сигизмунд Герберштейн описал сцены охоты на зайцев при дворе Василия III. Он привел возгласы, которые издают охотники, затравившие зайца собаками, торжествуя и рукоплеща («Хо-хо!», «О-хо! хо! хо!»): «Как только (собаки) схватят зайца, то (охотники) кричат и громко рукоплещут (НГ «Хо-хо!»), будто свалили большого (НГ и свирепого) зверя... Когда заяц настигнут, охотники все кричат «О-хо! хо! хо!» — как будто затравили большого оленя...»²³ В ряде славянских языков глагол «хóркать, хóркати» означает издавать определенные звуки, в том числе «кричать», «свистеть», «храпеть» и «хрипеть»: укр. хóркати «кричать, говорить хриплым голосом», сербохорв. хр́кати, хрчѐм «храпеть, харкать», словен. hřkati «храпеть, откашливаться», чеш. chrkati, слвц. chrčat' «хрипеть, свистеть», польск. charkać, charczeć «хрипеть, жужжать»²⁴. В польском языке слово «hulać» имеет значение «кутить, веселиться, гулять»²⁵. В современной охотничьей терминологии «хорканьем» называются звуки, издаваемые вальдшнепами на тяге, а также звукоподражательные звуки охотников на дичь²⁶.

Таким образом, убийство своего сына Василиса Волохова с ужасом ассоциировала с охотой на затравленного собаками зайца. Окончательно озверев, не получив возможности пролить кровь трех униженных и насмерть перепуганных женщин, только что потерявших мужа, отца и брата, толпа не просто набросилась на Осипа Волохова. Она открыла охоту. Одним из убийц Волохова был непосредственный исполнитель почти всех казней в Угличе 15 мая конюх Данила Григорьев. Ему помогал его отец Михаил: «...и посадцкые люди и он, Данилко, с отцом своим Осипа Волохова и убили до смерти».

Очевидно, что в гибели царевича был обвинен ненавистный Нагим государев дьяк Битяговский и все близкие к нему люди. Из показаний рассыльчиков Молчанки Суворова, Рюмки Иванова, Гришки Мелюмина, Первушки Иванова, Васьки Малыгина, Тренки Мичорина и Семейки Онтипова со товарищи

²³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московитских делах / Введ., пер. и прим. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 211.

²⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996. Т. 4. С. 263.

²⁵ Польско-русский словарь / Под ред. М. Ф. Розвадовской. М., 1963. С. 162.

²⁶ <http://www.hunter.ru/node/1308>.

следует, что убитые «починщики» через Михаила Битяговского были связаны друг с другом отношениями родства или свойства: Осип Волохов был женат на сестре Микиты Качалова, приходившегося племянником Битяговскому: «...а Микыту Качалова убили за ево шурина за жилца, да за Осипа за Волохова, что Микыта учал говорит(ь), чтоб ево шурина нѣ убил[и]; и онѣ за Микыту Качалова и Осипа Волохова». Имена отца и сына Битяговских, Волохова и Качалова были названы царицей Марией Нагой в качестве имен предполагаемых убийц царевича: «...почала... Василисе [Волоховой], приговариват(ь), что будто се с(ы)нѣ еѣ, Василисин, Осип с Михаиловым с(ы)ном Битяговского, да Микита Качалов ц(а)р(е)вича Дмитрея зарѣсали». Данила Третьяков как лицо, которое будто бы Мария и Михаил Нагие обвинили в гибели царевича, фигурирует в показаниях Василисы Волоховой: «И ц(а)р(и)ца де Мар(ь)я и Михаило Нагой велѣли убити Михаила Битяговского и Михаилова с(ы)на, и Микиту Качалова, и Данила Трет(ь)якова. А говорила де ц(а)р(и)ца миру: то де д(у)шегубцы ц(а)р(е)в(и)чю». На тело Третьякова, как и на тела других «убойц» царевича впоследствии по распоряжению Михаила Нагого, озадаченного необходимостью фальсификации улики, побросали выпачканные куриной кровью «ножи и палицу». Комиссия Василия Шуйского должна была поверить, что ими будто бы орудовали преступники. Однако Данила Третьяков, скорее всего, был убит толпой потому, что в момент расправы над Михаилом Битяговским оказался рядом с ним и вместе с ним скрывался в Брусняной избе («...а Михаило Битяговской с Данилом с Трет(ь)яковым утекли...»). Однако нельзя исключать и вероятности каких-то иных, тесных связей Битяговского и Третьякова. В противном случае последний вряд ли сопровождал бы дьяка в его укрытии и вряд ли разделил с ним его участь до конца.

Таблица 4

**Родство или свойство между мнимыми убийцами царевича Дмитрия
в отношении к дьяку Михаилу Битяговскому**

Имя «злоумышленника»	Кем приходился «злоумышленник» дьяку Михаилу Битяговскому
Микита Битяговский	Сын
Микита Качалов	Племянник
Осип Волохов	Шурин племянника (муж сестры Микиты Качалова)
Василиса Волохова	Мать Осипа Волохова
Данила Третьяков	– (?)

Не вытерпел страданий своего хозяина один из людей Осипа Волохова Васка. Он бросился к нему и закрыл его своим телом, пытаясь защитить от побоев и неминуемой гибели. Василиса Волохова подробно описала кровавую расправу над ним: «А ч(е)л(о)в(е)къ с(ы)на, его Васкою свали, и он кинулся и пал на с(ы)не еѣ, на Осипе, чтоб его не убили до смерти, и человекъ его, Васку,

туто ж над с(ы)н(о)м еѣ убили». Другой слуга — безымянный «ч(е)л(о)в(е)к Василисин» — попытался прикрыть позор своей обесчещенной госпожи и положил на ее простоволосую голову свою шапку. Посадские тотчас же убили и его: «...А другово ч(е)л(о)в(е)ка Василисина убили, что увидел Василису, что она простоволоса стоит, и он на неѣ положил свою шапку, и посадские люди са то его убили до смерти ж».

С этим двойным убийством ситуация в Угличе неуловимо, но кардинально изменилась. Ни царица Марья, ни ее братья Михаил и Григорий Нагие, скорее всего, не давали приказа убить холопов Василисы и Осипа Волоховых. Это убийство было спонтанным, произошедшим в порядке реакции на противодействие силе. Убивала агрессивная возбужденная толпа, которая в момент побития холопов не нуждалась ни в указаниях, ни в одобрении. В это мгновение толпа перестала подчиняться Нагим, выдвинула своих собственных лидеров, начала жить по своим законам. Сытники Михаил Меншиков и Немир Бурков, а также стряпчий Кормового дворца Суббота Протопопов и пищик Кормового дворца Алеша Афанасьев назвали среди «починщиков» Ляпуна и Микитку Гунбиных, Степанку Полуехтова, Ивана Тимофеева и Тихона Быкова. Посадский человек Истомка Бутусов в качестве таковых указал Тихона Быкова, Степана Полуехтова и сапожника Тита («...а в головах был у посадских людей, которые Михайла убили с товарищи, Тихон Быков, да Степан Полуехтов, да Тит Сапожник»).

Послушным орудием в руках Нагих и толпы, охотно и со вкусом убивавших «злоумышленников», были конюхи отец и сын Григорьевы. В показаниях Данилы Григорьева указаны 11 человек, побитых 15 мая 1591 г.: Михаил и Данила Битяговские, Микита Качалов, Данила Третьяков, Осип Волохов, три человека Михаила Битяговского, человек Осипа Волохова (вероятно, Васка) и два человека Микиты Качалова. Скорее всего, это те, в расправе над которыми отец и сын Григорьевы принимали непосредственное участие.

6. Другие жертвы «мятежа Нагих»

Наибольшее число жертв мятежа Нагих назвал посошный сборщик в челобитной, поданной Следственной комиссии сразу же по прибытии ее в Углич. Он указал, что кроме Битяговских, Качалова, Третьякова и Волохова были убиты три посадских человека, «прихожие» к Михаилу Битяговскому²⁷, четыре человека Михаила Битяговского, два человека Волоховых (один из которых, скорее всего, носил имя Васка) и безымянная «жоночка Михайлова» (юродивая). Всего, таким образом, челобитчик сообщил о гибели 15 человек.

Григорий Нагой показал, что вместе с отцом и сыном Битяговскими, Никитой Качаловым, Данилой Третьяковым и Осипом Волоховым по распоряже-

²⁷ Как это явствует из челобитной угличских рассыльчиков, ими, скорее всего, были Савваплотник, каменщик Митя Суздалец и мужик Белотелец.

нию Михаила Нагого были убиты трое посадских из числа «прихожих» к дьяку Битяговскому и четыре человека «Михайловых людей». Среди убитых в тот же день Григорий Нагой назвал двух человек Осипа Волохова. Таким образом, согласно показаниям Григория Нагого, кроме пяти «убойц царевичу» в Угличе 15 мая 1591 г. были растерзаны толпой еще 9 человек. Всего Григорий Федорович указал в качестве побитых «черню» 14 человек.

Его показаниям в целом соответствуют показания Василисы Волоховой, сообщившей о распоряжении царицы убить отца и сына Битяговских, Никиту Качалова, Данилу Третьякова и ее сына Осипа. Она также описала убийство юродивой, уточнив только, что оно произошло спустя два дня после гибели царевича, т. е. 18 мая: «...и как ц(а)р(е)вичю смерть сталася, и ц(а)р(и)ца и ту жонку, после тог(о) два дни спустя, велѣла добыт(ь) и велѣла еѣ убити ж, что будтос(ь) та жонка ц(а)р(е)вича портила». Она же подробно рассказала о гибели двух своих слуг.

В распросных речах архимандрита Феодорита события того страшного дня, похоже, смешались и перепутались. Он показал, что к моменту их с Савватием прибытия «в город» Михаил и Данила Битяговские, Никита Качалов, Данила Третьяков, люди Битяговских и Волоховых, а также трое посадских уже были мертвы («лежат побиты»), а «...Осипа Волохова привели при них». Однако, как это следует из показаний Василисы Волоховой, холоп ее сына Васка был убит во время казни Осипа Волохова, которого Феодорит застал еще живым.

Убийство «человека» Данилы Третьякова упоминается лишь в челобитной посошного сборщика. Только конюх Данила Григорьев сообщил о побитии двух холопов Микиты Качалова: «и Микитиных людей Качалова, дву ч(е)л(о)в(е)кѣ убилу в Дьяч(ь)е избѣ с Данилом и с Никитой²⁸ вмѣсте». В других источниках упоминаний о гибели этих трех лиц нет.

Всего во время следствия были названы убитыми 18 человек. В большинстве случаев расправа над ними состоялась по совместному указанию царицы Марьи и Михаила Нагого либо по распоряжению одного Михаила Нагого, действовавшего, вероятно, именем своей сестры. Авдотья Битяговская возложила вину за убийства на обоих братьев Нагих, хотя Григорий Федорович, вероятнее всего, удерживался от подобных распоряжений (см. ниже). Позиция Авдотьи Битяговской вполне понятна: помня о бесконечных перепалках мужа с Нагими то по поводу ведунов, то по поводу посохи, то в связи с расходами на содержание царевичевой семьи, она именно в братьях царицы видела ту враждебную силу, которая в одночасье лишила ее и мужа, и сына, и сделала ее дочерей сиротами. Битяговская не могла быть свидетельницей расправы над мужем и всеми теми, кто был побит как «убойцы царевичу». В это время она находилась у себя на подворье. Она могла только наблюдать, как у нее дома «поймали» Осипа Волохова и, возможно, как его забили до смерти возле собора Св. Спаса. Впрочем,

²⁸ С Данилой Битяговским и Микитой (Никитой) Качаловым.

когда она сама с двумя дочерьми «нага и простоволоса» под конвоем двух отъявленных убийц — отца и сына Григорьевых — была приведена к Спасу и ее собственная жизнь висела на волоске, она вряд ли могла адекватно воспринимать происходящее. Зато у себя дома она наверняка неоднократно становилась свидетельницей недовольства дьяка Битяговского братьями царицы, так и не смирившимися со своим положением скорее опальных и сосланных, нежели удельных князей. Мужская часть семейства Нагих, с которыми постоянно «бранился» ее муж, была в воображении Битяговской тем злом, с которым она связывала свою личную трагедию.

Таблица 5

Лица, убитые во время мятежа в Угличе 15–18 мая 1591 г.*

№ п/п	Убитый	Убит по распоряжению царицы Марии Нагой	Убит по распоряжению Михаила Нагого	Убит по распоряжению Марии и Михаила Нагих	Убит по распоряжению Михаила и Григория Нагих	Убит самосудом толпы*
1	Михаил Битяговский, дьяк		СП, ИМ, КМ, АК, расс., РР	ВВ, ПС, ДГр	АБ	МН, ГН, АН, Д, Б, подкл.
2	Данила Битяговский		ПС, ИМ, КМ, АК, РР	ВВ, ДГр	АБ	АН, МН, ГН, СП, Д, Б
3	Данила Третьяков		ПС, ИМ, КМ, АК, расс., РР	ВВ, ДГр		АН, МН, ГН, СП, Д, подкл.
4	Микита Качалов		ИМ, КМ, АК, расс., РР	ВВ, ДГр		АН, МН, ГН, СП, Д
5	Осип Волохов	ВВ	ИМ, АК, ДГр, расс., РР	ДГр		АН, ГН, СП, Д
6	Савва, плотник		ПС, расс.	ДГр		ГН
7	Митя Суздалец, каменщик		ПС, расс.	ДГр		ГН
8	Белотелец, мужик		ПС, расс.	ДГр		ГН
9	I «человек» Михаила Битяговского (Иван Кузмин)		ПС, расс.	ДГр		ГН
10	II «человек» Михаила Битяговского (Павел)		ПС, расс.	ДГр		ГН

11	III «человек» Михаила Битяговского		ПС, расс.	ДГр		ГН
12	IV «человек» Михаила Битяговского		ПС, расс.	ДГр		ГН
13	Васка, «человек» Осипа Волохова		ПС, расс.	ДГр		ВВ, ГН
14	«Человек» Василисы Волоховой		ПС, расс.	ДГр		ВВ, ГН
15	«Человек» Данилы Третьякова		ПС			
16	I человек Микиты Качалова					ДГр
17	II человек Микиты Качалова					ДГр
Д18.	Юродивая («жоночка уродливая», «жоночка Михаилова»)	ВВ	ПС			

* **Условные обозначения:** АБ — по показаниям Авдотьи Битяговской; АК — по показаниям Андрея Козлова; АН — по показаниям Андрея Нагого; Б — по показаниям попа Богдана; ВВ — по показаниям Василисы Волоховой; ГН — по показаниям Григория Нагого; Д — по показаниям игумена Давыда; ДГр. — по показаниям Данилы Григорьева; ИМ — по показаниям Ивана Муранова; КМ — по показаниям Кирилла Моховикова; МН — по показаниям Михаила Нагого; ПС — по показаниям посошного сборщика; расс. — по показаниям угличских рассыльщиков; подкл. — по показаниям подключников; РР — по показаниям Русина Ракова; СП — по показаниям Субботы Протопопова; Ф — по показаниям архим. Феодорита

** В эту категорию включены упоминания о побитии «чернью», «неведомо кем», «посадскими людьми», а также указания типа «...а как побили... тѣх всѣх, которые побиты, того... не вѣдает, хто их велѣл побит(ь), а побил[а] их чернь, посадские люди» и т. п. Сюда же вошли упоминания о побитии злоумышленников «чернью», не содержащие конкретного указания лиц, отдававших соответствующее распоряжение

7. Иван Пашин и Василий Буторин: история одного побега

Трагическая судьба ожидала и тех, кто был заподозрен даже в бытовых связях с дьяком Михаилом Битяговским, его «людей» и слуг, а также «прихожих» к нему посадских людей. Скорее всего, все они были обвинены в пособничестве «убойцам царевичу». Выше мы уже говорили о расправе по распоряжению Михаила Нагого над четырьмя людьми Битяговского: неким Иваном Кузминым, Павлом и еще двумя безымянными холопами, а также над «прихожими» к нему Саввой-плотником, каменщиком Митей Суздальцем и мужиком Белотельцем²⁹. К числу «прихожих» к дьяку посадских людей относились еще Иван Пашин и Василий Буторин. Еще в начале 11-ти утра в субботу 15 мая они «сѣхали» по своим делам в деревню, находившуюся примерно в двух верстах от посада. Будто бы слышав «в городе шум в[ели]кой», они решили отсидеться в лесу и не пошли в город. В показаниях, данных Следственной комиссии Василия Шуйского, они сообщили, что вынуждены были скрываться потому, что им угрожала расправа: «а за ними гонило ч(е)л(о)в(е)къ дватц[ать] посадцких для тоз(о), что они были прихожи к Мих[аи]лу Битяговскому. И они и по ся мѣста ходили [по]лесу, а в город ит(ь)не смѣли, что хотѣли их побит[и] посадцкие люди».

Каким образом они получили весть об опасности — неясно. Сведения об услышанном «шуме великом» и решении спрятаться в лесу не очень согласуются с организованной погоней. Пашин и Буторин могли, слышав шум в городе, испугаться и на всякий случай укрыться в лесу. Но они не могли знать об устроенной на них охоте и, скрываясь, не могли самостоятельно установить, когда опасность их жизням миновала. Вероятно, преследователи искали Пашина и Буторина у них на подворьях, не зная, что те «сѣхали» еще утром. Скорее всего, члены их семей успели послать кого-то из детей в деревню, чтобы предупредить своих близких о грозящей расправе. До смерти напуганные Иван Пашин и Василий Буторин почти пять дней бродили по лесу, переживая опасность. Как только в Углич приехала комиссия Шуйского, их снова отыскивали близкие, и они смогли вернуться домой: «И как мы свѣдали про кн(я)зя [Василья] Ивановича и про Оудрѣя Петровича и про Ел[и]зар(ь)я Вылузгина, что ониѣ приѣхали на Углечь, и мы и пришли на посад». Уже не зная, чего им бояться, на допросе Пашин и Буторин сочли благоразумным не выдавать своих информаторов. В любом случае невозможно представить, чтобы целенаправленный розыск двух посадских силами двадцати взрослых мужчин, а также убийство четырех «прихожих» к Битяговскому по каким-то его хозяйственным нуждам ремесленников не были бы инициированы властью Нагих. Вероятно, была и какая-то промежуточная инстанция: кто-то называл Михаилу Нагому имена будущих жертв, указывал на них в толпе, провожал убийц к их подво-

²⁹ Согласно показаниям посажного сборщика, «...да Михаило ж, г(о)с(у)д(а)рь, Нагои велѣл убити посадцких людей трех ч(е)л(о)в(е)къ, которые были прихожи к Михаилу Битяговскому, да Михайловых людей Битяговского четырех ч(е)л(о)в(е)къ».

рям, если они не были обнаружены среди угличан, сбежавшихся на зов набата³⁰. Очевидно другое: воспаленное воображение Нагих нарисовало им целую картину организованного заговора с целью убийства царевича — их единственной и теперь уже погибшей надежды на благополучие и власть. Обращает на себя внимание, что толпа убивала «прихожих» к Битяговскому посадских людей, но не тронула, хотя и смертельно напугала работавших с ним подьячих и пищиков. Не пострадал и поп Богдан, явно приглашенный к обеду у государева дьяка не как приятный собеседник и друг, а как лицо, особо приближенное к клану Нагих. Это еще раз подтверждает предположение, что Нагие заранее и давно продумывали состав вероятных злоумышленников, подпитывая свою подозрительность слухами, страхами и собственными умозаключениями.

8. Толпа

Однако вряд ли всех подряд слуг Битяговских, Третьякова и Качалова, а также «добрых» посадских и посошных людей распоряжались убивать сами Нагие. Выше мы уже говорили о том, как агрессивная толпа разделалась с холопами Волоховых. Озверевшая толпа в ряде случаев могла действовать и без прямого распоряжения Нагих. В этом смысле показательны свидетельства посадского человека Истомки Батусова, будто бы призвавшего толпу к тому, «чтоб ѡни за посмѣх без г(о)с(у)д(а)рьског(о) вѣдома не убивали», за что едва не поплатился собственной жизнью. Нечто подобное произошло и с посошным приказчиком Василием Спиридоновым. Как показал посошный человек Гриша Толстой Максимов, Василий Спиридонов попытался остановить самосуд толпы, призывая не побивать «sa по[смех] Михаила Битеговског(о) с товарищи». Однако агрессия толпы немедленно переключилась на него самого. Посошные люди едва отбили своего приказчика и увели его: «... и посадцкие всякие люди хотѣли и ево, Васил(ь)я, за то убити до смерти. И ѡни, посошные люди, Гриша Т[ол]стой Максимов и всѣ посошные люди Васил(ь)я Спиридонова посадцким всяким людем убити не дали и ѡтвели ево ѡт [них] проч(ь)». Прибежавшие вскоре после погрома Разрядной избы подьячие Третьяк Десятый, Васюк Михайлов, Терентий Ларивонов и пищики Марк Бабкин и Ивашко Ежов чуть не расстались с жизнью, пытаясь образумить разгоряченную толпу: «И мы учали говорить посацким людем: “Про што вы дѣяка Михаила и с(ы)на ег(о) Данила убители?”». И ѡни сказали: “Вам деи ѡт нас то же будет”». По всей видимости, угроза была подкреплена какими-то действиями, поскольку подьячие и пищики так испугались, что разбежались в разные стороны и не смели показаться в городе до самого приезда Следственной комиссии: «...и мы с тог(о) страху розбежалис(ь) розно

³⁰ В этом отношении весьма показательна история «прихожих» к Битяговскому Ивана Пашина и Василия Буторина, которых 15 мая не было в Угличе, но которых специально отыскивали и преследовали «...ч(е)л(о)в(е)къ дватц[ать] посадцких...».

и в город ходити не смѣли, покамѣсть приѣхал на Углич боярин князь(ь) Василеи Иванович Шуискои, да околничей Ѡндрѣ[и] Петрович Клешнин, да дѣякъ Елисареи Вылузгинъ». То, что «добрые люди» посадские, не участвовавшие в разбое, также предпочли «розбежаться», чтобы не быть заподозренными в сочувствии Битяговскому и пособничестве «убойцам царевичу», показал и Истомка Батусов: «...добрые люди с посадцкими людми не думали, тѣ розбежалис(ь)». «Розбежались», не дожидаясь неприятностей, и некоторые служилые люди, находившиеся в распоряжении царицы: «как пришел шум великои», поспешили скрыться с глаз царицыны дети боярские Иван Лошаков, Смирной Горотчиков, Иван Нагин и Самойло Колобов — муж постельницы и отец одного из «робяток жильцов». Безусловно, их напугала не только гибель царевича и ожидание царицына гнева, готового обрушиться на любого, но и самый вид агрессивной, взвинченной, до предела взбудораженной толпы.

9. Coda

Ко всем этим безусловно опасным ситуациям Нагие не имели ни малейшего отношения. Толпа орудовала сама. Дело даже не в том, что семью Нагих интересовали «убойцы» царевича, а не их слуги и контактеры. Под раздачу попали прежде всего холопы, сопровождавшие 15 мая Михаила Битяговского, Данилу Третьякова, Микиту Качалова, Авдотью и Осипа Волоховых в Кремле. Не требовалось узнавать их имена и выдергивать из-за обеденного стола. За ними не нужно было организовывать погоню и отыскивать их по подворьям и пригородным лесам. Они оказались рядом со своими господами в последние минуты их жизни или, как это случилось с вдовой дьяка Битяговского Авдотьей, на пике их трагедии и унижения. Они просто разделили их участь. Любая искра, любой самый случайный и малозначительный повод разжигали здесь пламя народного гнева, слепого и безудержного. Оказанное противодействие, попытка слуги вступить за хозяина, старая неприязнь, не вовремя сказанное слово порождали взрыв ненависти и непреодолимую жажду убивать. Умело пользуясь этим и продолжая эмоционально заводить толпу, Нагие не забывали решать свои проблемы.

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. Нагие были удалены из Москвы в Углич за неделю до коронации Федора Ивановича³¹. Царевич Дмитрий был отпущен на удел с величайшими почестями: «по царскому достоянию» и «с великой честью». Его провожали бояре, 200 дворян, стрелецкое войско³². Царевичу и его семье было назначено достойное содержание. Однако никакие почести, никакой внешний лоск не могли смягчить оскорбление, нанесенное овдовевшей царице Марии Нагой и ее сыну. Их перемещение в Углич означало, что

³¹ Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 74.

³² Там же.

действующая власть демонстративно устраняет их от присутствия на коронационных торжествах в качестве семьи нового царя и предпочитает держать их от трона подальше³³.

С самого начала своей ссылки в Углич Нагие стремились возродить в этом формально последнем уделе Русского государства политические порядки удельной Руси конца XV в. Однако первостепенной фигурой в Угличе были не они, а Михаил Битяговский³⁴. По меткому замечанию И. И. Полосина, «государев дьяк в Угличе Битяговский опирался на Бориса Годунова. Нагие держались именем царевича»³⁵. Униженное положение Нагих подчеркивалось в том числе и тем, что не они сами, а государев дьяк Битяговский ведал их финансовым обеспечением. Выделяемых из казны средств не хватало, и это было причиной постоянных трений семьи царевича и дьяка. Как показал Суббота Протопопов, «а была у них меж себя преж тог(о) бран(ь) за то, что Михаило Нагой у Михаила у Битяговскоз(о) прашивал сверхь г(о)с(у)д(а)р(е)ва указу денег ис казны, и Михаило ему *откасал*, что ему мимо г(о)с(у)д(а)р(е)в[ъ] указ(у) денег не даыва*т*(ь)». Буквально в день трагедии 15 мая в порядке утверждения мнимой независимости Михаил Нагой отказал Битяговскому в посылке 50-ти человек по наряду посохи «под город под Гуляй». О состоявшейся перебранке по этому поводу сообщили в своих челобитных городской приказчик Русин Раков и вдова дьяка Авдотья Битяговская: «А велел, г(о)с(у)д(а)рь, убити Михаило Нагой Михаила Битаговсково и сыном по недружбе: многажды с ним бранивался про осударево дело, и в *тот ден(ь)* с ним бранился *о* посохе, что велел, г(о)с(у)д(а)рь, с них *взят(ь)* посохи *пядесят* человекъ, *под город под гуляи*, и *он*, г(о)с(у)д(а)р[ъ], посохи не дал»; «А *тог(о)* дни, в *которои д(е)н(ь)* вельль убити мужа *моез(о)*, Михаило Нагой с мужем моим бранился *ж* за то, что Михаило Нагой не *отпустил* посохи по твои, г(о)с(у)д(а)рь, наряд». В обоих свидетельствах расправа над дьяком и его людьми связывается с противодействием Михаила Нагого «государеву делу». При этом Раков специально отметил, что подобные споры «про осударево дело» между Нагим и Михаилом Битяговским возникали неоднократно («многажды с ним бранивался»). Адресованные следственной комиссии Василия Шуйского, эти показания о саботаже «осударевых дел» содержали недвусмысленный намек на измену Нагих и серьезно осложняли их и без того непростое положение после событий 15 мая.

³³ Там же. С. 74–75.

³⁴ Михаил Битяговский служил в Казани, в 1589–1590 гг. — в Разрядном приказе в Москве. Как показал Р. Г. Скрынников, в Угличе дьяк сидел не более полутора лет (*Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 74–75). После кого он стал хозяином угличской Разрядной избы и фактическим управителем в Угличе, сохранившиеся источники умалчивают.

³⁵ *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 224.

В Угличе Нагие жили в изматывающей обстановке подозрений и доносительства. Думается, духовник Григория Нагого поп Богдан не случайно оказался 15 мая званным гостем на обеде у Михаила Битяговского. Государев дьяк использовал все средства контроля над семьей царевича и все способы воздействия на братьев Нагих, в том числе через их духовного отца.

Примечательно, что некий «спаской кутейщикъ Богдаш» был отправлен лично царицей в Алексеевский монастырь к игумену Савватию с требованием «в город ъхат(ь), что ц(а)р(е)в(и)ча в животѣ не стало». Игумен Савватий и архимандрит Феодорит от монастырских слуг уже знали о произошедшем во дворце, однако поехали туда, только дождавшись посыльного от царицы. В литературе уже высказывалось мнение, что царяконстантиновский поп Богдан, духовник Григория Нагого и «спаской кутейщикъ Богдаш» — одно лицо. Это предположение представляется нам весьма вероятным. Во-первых, показания «попа Богдана», данные им на следствии, ограничиваются описанием обеда у Битяговских, получением известия о гибели царевича и убийством дьяка Битяговского и Данилы Третьякова, а также указанием на то, что сын дьяка Данила «в тѣ поры был у отца своег(о) у Михаила на подвор(ь)е, обѣдал». Употребляя оборот «в те поры... обѣдал», поп Богдан, скорее всего, имел в виду время гибели царевича, т. е. то, что Данила Битяговский, находясь за обеденным столом у себя дома, не мог быть его убийцей. Во-вторых, вынужденный прервать обед из-за трагических событий во дворце, дьяк отправился туда, видимо, в сопровождении своего гостя попа Богдана. Поскольку сын Битяговского погиб в Дьячей избе, а поп Богдан оказался свидетелем событий у Брусяной избы, где был убит дьяк, то гибели Данилы Битяговского и бывших с ним в Дьячей избе людей он не видел. В его показаниях об этом ничего и не говорится. Как доверенное лицо Нагих он к этому времени уже был отправлен царицей в Алексеевский монастырь с требованием призвать к телу царевича игумена Савватия. В-третьих, показаний «кутейщика Богдаша» в деле нет, тогда как показания «попа Богдана» присутствуют. Употребив для определения «Богдаша» слово «кутейщик» Савватий выразил свое пренебрежительное отношение к нему³⁶. Вероятно, услужливая готовность попа Богдаша-Богдана быть полезным государеву дьяку Битяговскому, будучи духовником одного из Нагих, не осталась незамеченной.

Против тождества попа Богдана и кутейщика Богдаша говорит то, что первый служил в Константиноеленинской церкви, а второй определен как «спаский». Кроме того, в силу своих должностных обязанностей кутейщика ведать приготовлением поминальной кутьи Богдаш имел прямое отношение к помертвой церковной обрядности, которая последующие несколько дней должна была стать неотъемлемой частью жизни Нагих. Отправка именно кутейщика в Алексеевский монастырь с приглашением служить над телом царевича пред-

³⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 148.

ставляется вполне оправданной. Пока толпа громила «злоумышленников», церковь занималась приготовлением тела царевича Дмитрия к погребению.

Насытившись кровью, толпа агрессивная, видимо, не без участия Нагих превратилась в толпу стяжательскую³⁷. Согласно показаниям посошного сборщика, Михаил Нагой приказал грабить двор Михаила Битяговского. Вероятно, царицын брат расплачивался с палачами дьяка его же собственным добром: «а побив тѣхъ людей (т. е. «злоумышленников». — Л.С., П.Б.) <...> подвор(ь)е Михаила Битяговского велѣл розграбим(ь)». Жалуясь царю Федору на учиненные братьями Нагими убийства, Авдотья Битяговская в своей челобитной винила их и в будто бы данном обоими распоряжении грабить ее двор. Однако имена Михаила и Григория Федоровичей указаны только в той части челобитной, где вдова говорит об убийстве мужа, сына и прочих несчастных, а также о конвоировании ее с дочерьми к церкви Св. Спаса. В той же части челобитной, где идет речь о грабеже, никакие имена вообще не названы: «и животишка, г(осу)д(а)рь, наши все на подвор(ь)ишке розграбили без остатк[у]». Впрочем, как мы увидим ниже, Григорий Нагой не побрезговал взять себе принадлежавшую Михаилу Битяговскому саблю, которую украл из его дома Данила Григорьев. Не исключено, что когда Авдотья Битяговская составляла свою челобитную, она уже знала о трофее Григория Нагого, а потому и обвинила его в даче распоряжения разграбить свое «подворьишко».

Следственное дело рисует дикие картины разнузданной вакханалии, которую толпа устроила на опустевшем подворье Битяговских. Опыренная кровью, сильная своей безнаказанностью, слегка припеченная майским солнцем, толпа двинулась грабить дьячье добро, допьяна упиваться чужим вином и безжалостно крушить то, что нельзя унести: «а на Михайлов двор Битяговскоз(о) пошли всѣ люди миром и Михайлов двор розграбили, и пит(ь)е из погреба в бочках выпив, и бочки кололи, да с Михайлова ж двора всяли Михайловых лошадеи девятеро, и отвели их к ц(а)р(и)це на конюшню». Конюх Данила Григорьев увел с подворья «кон(ь) гнѣд» и прихватил себе дьяческий саадак: лук в налуче и зачехленный колчан со стрелами. В своем воспаленном воображении пьяный убийца видел себя воином, лучником на гнедом коне, почти героем! Коня вместе с другими лошадьми уже во вторник пришлось вернуть обратно, а саадак Григорьев припрятал у себя «на подвор(ь)е» на случай новых подвигов. Потом его обвиняли еще и в краже дьяческой сабли, с которой он будто бы разъезжал по городу, но он решительно отпирался: «а сабли ѿн булатные не имывал, и с саблею не ѳживал».

Обвинения Данилы Григорьева в краже окованной серебром «сабли булатной» были сделаны с подачи его отца Михаила, который на следствии показал,

³⁷ В социальной психологии стяжательская толпа — это подвид действующей толпы (наиболее значимого и опасного вида коллективного поведения), когда люди вступают в неорганизованный конфликт за обладание некоторой ценностью. Доминирующей эмоцией здесь становится жадность, жажда обладания, к которой примешивается страх (см.: *Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения. М., 2001. С. 23–25).

что «...и на подвор(ь)е у Михаила как животы розграбили, всял тот Данилко саадак, да саблю булатную, ѡкована серебромъ, да и лошади деи Михайловы всѣ ѡи побрал с ѡными людми». Однако кража драгоценной сабли, скорее всего, была молодому конюху не впрок: на нее позарился сам Григорий Нагой («...и тое саблю всял себѣ Григореи Нагой»).

Толпа не только разгромила подворье Битяговских. Она готова была крушить всё на своем пути с самого начала расправы над «убойцами царевичу». Угличские рассылщики показали, что, гонясь за Битяговским, его убийцы «высекли» двери у Брусяной избы. Основательному разрушению подверглась и Дьячья изба: «у Дяч(ь)и избы сѣни и двери розламаны и вокна выбиты». Кроме того, Дьячья изба была разграблена, из нее вынесли 20 руб. государевых денег. Прибежавший на зов набатного колокола подьячий Третьяк Десятый, в ведении которого находилась приказная казна («коробеика»), немедленно обнаружил пропажу: «И я, Трет(ь)ячко, вшол в ызбу, ажно коробеика моя розламана, а вынято из неѣ г(о)с(у)д(а)р(е)вых денег дватцат(ь) рублей, что были приготовлены на ц(а)р(и)цынь и на ц(а)р(е)вичев расход». У посадского человека Истомки Батусова «ѡтняли... три рубли денег», а его самого посадили в тюрьму.

Почему «мятеж Нагих» был поддержан народными массами? Почему бредовые идеи о запланированном и подготовленном в Москве убийстве царевича Дмитрия нашли немедленный отклик у простых угличан? Почему толпа оказалась столь скорой на расправу? Не вызывает сомнений тот факт, что агрессивность угличан была подогрета существенным ухудшением социально-экономической обстановки, вызванной резким усилением феодального гнета в послеопричный период³⁸ (имеем в виду запрет на крестьянский переход и сыск беглых в отдельных районах России в 1581/82–1586/87 гг., указ о кабальном холопстве 1586 г. и пр.)³⁹. Одним из следствий хозяйственного разорения страны и массового бегства крестьян, холопов и горожан на окраины страны стало возникновение казачества на Дону, где образовался центр крестьянской войны начала XVII в. Нарастание социальной напряженности проявилось в Московском восстании 1584 г., волнениях в Москве, Сольвычегодске и других городах в 1584–1586 г., пожарах в Москве 1591 г. и пр. Страна переживала последствия тяжелейшего экономического кризиса — «великой порухи»⁴⁰. Социально-экономическая обстановка была напряженной и в Угличе.

К этим объективным предпосылкам социального взрыва как нельзя кстати присоединился и субъективный фактор. Семейство Нагих жило в постоянном страхе, что царевича Дмитрия — наследника бездетного и слабоумного царя Федора Ивановича — устроят тем или иным способом, похоронив тем самым

³⁸ Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 116.

³⁹ Там же. С. 124, 129–130.

⁴⁰ Там же.

их единственную надежду занять достойное место возле трона малолетнего царя. Основания опасаться решительных действий со стороны Бориса Годунова были. Нагих уже «имали за приставы», и в Угличе они находились фактически на положении сосланных под надзор государева дьяка Битяговского.

Страхи семейства Нагих вылились в циркулировавшие по Угличу слухи о вероятном отравлении царевича или о наведении на него «порчи». Источником этих пугающих слухов, скорее всего, были сами Нагие и их ближайшее окружение, жившие в постоянном страхе перед неблагоприятным развитием событий. Углич жил в обстановке непрерывных подозрений, доносительства, опасливых наблюдений за дьяком Михаилом Битяговским, членами его семьи, родственниками и «прихожими» к нему людьми. Не случайно 15 мая имена «убойц» царевича легко слетели с уст царицы Марии Федоровны и ее брата Михаила Нагого, а толпа прицельно расправилась с родственниками, а затем людьми дьяка Битяговского: Иваном Кузминым, Павлом, двумя безымянными холопами, а также с «прихожими» к нему Саввой-плотником, каменщиком Митей Суздальцем и мужиком Белотельцем. Настоящая охота с преследованием была объявлена еще на двух «прихожих» к дьяку посадских людей — Ивана Пашина и Василия Буторина, которых спасло только чудо. Не способствовало спокойному восприятию жизненных реалий Нагими и постоянное нахождение в окружении царевича юродивых, ведунов и ведуний, беспрерывно вороживших на долголетие государя и государыни и которые, вероятно, были привлечены для установления заговоров и «порчи» в отношении царевича Дмитрия.

Сам факт появления слуха-пугала о возможном отравлении царевича и какое-то время его жизни в Угличе свидетельствует об эмоционально окрашенном интересе населения к этой проблеме⁴¹. Вероятно, с предполагаемым царствованием Дмитрия связывались надежды угличан на грядущее улучшение жизни. Страх, разделенный с большим числом людей, переносится легче⁴². Страх за жизнь царевича, посеянный Нагими в Угличе, взорвался «мятежом», подержанным агрессивной толпой. Толпа переживает эволюционную регрессию. У составивших толпу людей актуализируются низшие, исторические более примитивные пласты психики, стираются индивидуальные различия, снижается роль личного опыта, индивидуальной и ролевой идентификации, здравого смысла⁴³. Незаметно для себя самих и как бы исподволь Нагие (и особенно Михаил Федорович) заварили кашу угличского мятежа, события которого развивались по законам функционирования агрессивной толпы. Уже потом, словно спохватившись, Михаил Федорович Нагой упорно пытался отвести от себя все подозрения в организации «мятежа». Несмотря на очевидное, во время следствия он утверждал, что «и Михаила Битяговского, и с(ы)на ево Данила, и тѣ[x]

⁴¹ Шерковин Ю.А., Назаретян А.П. Слухи как социальное явление и как орудие психологической войны // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 5. С. 41–52.

⁴² Почебут Л.Г. Социальные общности психология толпы, социума, этноса. СПб., 2005. С. 165.

⁴³ Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения. М., 2001. С. 18–19.

всѣхъ людеи, которые побиты, побили черные» и что он «посадц[им в]сякимъ людемъ побити их не веливал». В качестве доказательства своей непричастности к убийствам, он указал, что «был все у ц(а)р(и)цы».

Весьма шаткой была позиция и других Нагих. Изрядно напуганный, Андрей Александрович вообще не смог справиться с мыслями и, отрицая причастность Нагих к расправе над мнимыми убийцами царевича, сообщил противоречащие друг другу сведения. С одной стороны, он попытался свалить вину на посадских людей («побила их чернь, посадцкие люди»), а с другой утверждал, что он «того <...> не вѣдает, хто их велѣл побит(и)». Григорий Нагой держался во время следствия с большим достоинством и лишь заявил, что «почали говорит(ь), невѣдомо хто, будто зарѣса[л]и ц(а)р(е)вича Дмитрея Михаилов с(ы)нѣ Битяговско(о) Дан[и]ло, да Ѡсин Волохов, да Микита Качалов». Однако не слышать, что имена «убийц» слетали с уст его родных сестры и брата, он не мог.

Тем не менее, эмоциональная реакция Нагих заражала толпу, направляла ее агрессию в русло бредовых идей, озвученных царицей и подхваченных ее братьями. Нужны были жертвы, и они были найдены. Нагие направили агрессию толпы на ненавистного им дьяка Михаила Битяговского и на мнимых убийц царевича Дмитрия.

References

- Arnautova Yu.E.* Kolduny i svyatye: Antropologiya bolezni v srednie veka. SPb., 2004.
- Buganov V.I., Koreckii V.I., Stanislavskii A.L.* «Povest', kako otomsti» — pamyatnik rannei publicistiki Smutnogo vremeni // TODRL. L., 1971. T. 28.
- Bychkov A.F.* Povest' ob ubienii carevicha knyazya Dmitriya // Chteniya v Obshestve istorii i drevnostei rossiiskih. M., 1864. Kn. 4. Smes'. S. 1–4.
- Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Per. s nemeckogo i dop. O.N. Trubacheva. SPb., 1996. T. 4.
- Gerbershtein Sigismund.* Zapiski o Moskovitskih delah / Vved., per. i primech. A. I. Maleina. SPb., 1908.
- Glagolev D.M.* Dushevnyaya bolezni' Ioanna Groznogo // Russkii arhiv. 1902. № 7.
- Golubcov I.A.* «Измена» Нагих // Uch. zap. In-ta istorii RANION. M., 1929. T. 4.
- Kashtanov S.M.* Diplomatika kak special'naya istoricheskaya disciplina // Voprosy istorii. M., 1965. № 1. S. 39–44.
- Kobrin V.B.* Komu ty opasen, istorik? M., 1992. S. 83–130.
- Kolupaev G.P., Klyuzhev V.M., Lakosina N.D. i dr.* Ekspediciya v genial'nost': Psihobiologicheskaya priroda genial'noi i odarennoi lichnosti. Patograficheskie opisaniya zhizni i tvorchestva velikih lyudei. M., 1999.
- Kostomarov N.I.* Istoricheskie monografii i issledovaniya. M., 1990. Kn. 1.
- Kovalevskii I.P.* Ioann Grozniy i ego dushevnoe sostoyanie. Psihiatricheskie eskizy iz istorii. SPb., 1901.
- Nazaretyan A.P.* Psihologiya stihiiinogo massovogo povedeniya. M., 2001.
- Parygin B.D.* Osnovy social'no-psihologicheskoi teorii. M., 1971.
- Platonov S.F.* Drevnerusskie skazaniya i povesti o Smutnom vremeni XVII veka kak istoricheskii istochnik. SPb., 1913.

- Pochebut L. G.* Social'nye obshnosti: psihologiya tolpy, sociuma, etnosa. SPb., 2005.
- Polosin I. I.* Social'no-politicheskaya istoriya Rossii XVI – nachala XVII v.: Sb. statei. M., 1963.
- Popov A.* Izbornik slavyanskikh i russkikh statei, vnesennyh v hronografy russkoi redakcii. M., 1869.
- Psihiatriya: Spravochnik prakticheskogo vracha / Pod red. A. G. Gofmana. M., 2006.
- Razryadnaya kniga 1559–1605 gg. M., 1974.
- Roshin S. K.* Psihologiya tolpy: Analiz proshlyh issledovaniy i problemy segodnyashnego dnya // Psihologicheskii zhurnal. 1990. T. 11, № 5. S. 3–17.
- Rukovodstvo po psihiatrii: V 2 t. / Pod red. A. V. Snezhnevskogo. M., 1983. T. 2.
- Semenchenko V. F.* Hronika farmacii. M., 2007.
- Sherkovin Yu. A., Nazaretyan A. P.* Sluhi kak social'noe yavlenie i kak orudie psihologicheskoi voyny // Psihologicheskii zhurnal. 1984. T. 5, № 5. S. 41–52.
- Skazanie Avraamiya Palicyna / Podg. teksta i komm. O. A. Derzhavinoi i E. V. Kolosovoi. M.; L., 1955.
- Skazanie o Grigorii Otrep'evе // Russkaya istoricheskaya biblioteka. SPb., 1909. T. 13.
- Skrynnikov R. G.* Boris Godunov. M., 1983.
- Skrynnikov R. G.* Rossiya nakanune «smutnogo vremeni». M., 1985.
- Sledstvennoe delo ob ubienii carevicha Dmitriya Ioannovicha, proizvedennoe v Ugliche po povelenyu gosudarya carya Feodora Ioannovicha boyarinom knyazem Vasiliem Ivanovichem Shuiskim, okol'nichim Andreev Petrovichem Kleshninym i d'yakom Elizariem Vyluzginym. Pisano 1591 goda, v mae // SGGD. M., 1819. Ch. 2. № 60. S. 103–123.
- Stolyarova L. V., Belousov P. V.* Dzherom Gorsei o sobytiyah maya – iyunya 1591 goda v Ugliche i v Moskve // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2011 god: Ustnaya tradiciya v pis'mennom tekste. M., 2013. S. 461–496.
- Suvorin A. S.* O Dmitrii Samozvance: Kriticheskie ocherki, s prilozheniem novogo spiska sledstvennogo dela o smerti carevicha Dmitriya. SPb., 1906.
- Taimasova L.* Tragediya v Ugliche: Chto proizoshlo 15 maya 1591 goda? M., 2006.
- Tihomirov M. N.* Maloizvestnye letopisnye pamyatniki // Istoricheskii arhiv. M., 1951. Kn. 7.
- Topolyanskii V. D., Strukovskaya M. V.* Psihosomaticheskie rasstroistva (rukovodstvo dlya vrachei). M., 1986.
- Uglichskoe sledstvennoe delo o smerti carevicha Dmitriya. 15 maya 1591 g. / Izd. podg. V. [K]. Klein. M., 1913.
- Vremennik Ivana Timofeeva. M.; L., 1951.
- Zimin A. A.* Smert' carevicha Dmitriya i Boris Godunov // Voprosy istorii. 1978. № 9. S. 92–94.
- Zimin A. A.* V kanun groznyh potryasenii: Predposylki pervoi krest'yanskoi voyny v Rossii. M., 1986.